

НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

18+

Евгений ЩЕПЕТНОВ
КОНЬ БЛЕДНЫЙ

Annotation

Небо над Землей разорвала вспышка, словно сдетонировали боеголовки нескольких баллистических ракет. Планета содрогнулась от удара, который зафиксировали все сейсмостанции мира. По тревоге были подняты ракетные части, но... Никакой противовоздушной тревоги объявлено не было. Ни одно государство мира не наносило ядерного удара по противнику. И все же в российской глубинке произошло нечто чрезвычайное. Одним из специалистов, кому следовало разобраться в случившемся, был майор ГРУ Николай Зимин. Правда, беда в семье заставила его забыть о службе, но лишь на время... Ведь беда, нависшая над человечеством, оказалась куда страшнее...

Евгений Щепетнов

Конь бледный

© Щепетнов Е. В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Евгений Владимирович Щепетнов – современный российский писатель, автор книг в жанре фантастики и фэнтези. Родился в 1961 году. Работал геологом и нефтяником, служил в милиции, был предпринимателем.

Писать начал в 2011 году, просто для души.

Профессионально занялся писательским ремеслом в 2012 году, в январе, выложив главы первой книги в стиле фэнтези на Самиздат.

На конец 2015 года написано 39 книг, издано 30.

Остальные ждут очереди в печать.

Хобби: кладоискательство, охота, дайвинг.

Вспышка! Грохот! Крупинка антиматерии, прилетевшая из центра Галактики... И на месте, где стояла тюрьма особого режима для осужденных пожизненно, – лишь воронка, наполняющаяся озерной водой.

Новый мир – люди ездят на динозаврах, в небе летают драконы, магия – обыденность.

Как этот мир встретит землян? Землян, часть из которых охранники (и охранницы!) одной из самых жестких в содержании тюрем, а другая, бóльшая часть, – осужденные на пожизненный срок.

И кого тут только нет, в этой тюрьме! И майор ГРУ, осужденный за массовое убийство коллекторов и банковских работников, и полковник милиции, который расстреливал людей в супермаркете, и всевозможные убийцы, насильники, маньяки...

Все, что у них есть, – это автоматы, пистолеты и пулеметы с ограниченным боекомплектом. Но и этого достаточно, чтобы весь новый мир начал интриговать, желая заполучить «магическое» оружие пришельцев.

Ждут их кровь и жестокие испытания.

Смерть на коне бледном гарцует над древним миром. Чью жизнь она укоротит своей

*И когда Он снял четвертую печать, я слышал
голос четвертого животного, говорящий:
иди и смотри.*

*И я взглянул,
и вот, конь бледный, и на нем всадник,
которому имя «смерть»;
и ад следовал за ним,
и дана ему власть
над четвертою частью земли —
умерщвлять мечом и голодом,
и мором и зверями земными.*

Откр., 6, п. 7–8

Небо разорвала вспышка, сравнимая с той, что может возникнуть при взрыве нескольких баллистических ракет одновременно. Земля содрогнулась от удара, и его зафиксировали все сейсмостанции мира. По тревоге поднялись воинские части, открылись крышки люков ракетных шахт во всех концах света – мир встал на грань ядерной войны, совершенно неожиданно, без каких-то для того предпосылок.

Тысячи глаз, видеодатчиков и радаров обшаривали небо, чтобы в конце концов их хозяева с облегчением убедились – стаи смертоносных стрел не приближаются к стране, дабы навсегда прекратить противостояние двух великих держав.

Люки закрылись, ракеты уснули, чтобы никогда больше не пробудиться и не сгореть в адском пламени.

Спутники-шпионы, которые никогда не спят, вылизывая взглядами интимные места Земли, активизировались, будто любовник при встрече с давно желаемой партнершей. Двигаясь, меняя орбиту, шаря руками-радиоволнами, они сообщили своим хозяевам, прикинув к мониторам мощных военных компьютеров, что где-то на севере России имеется мощный источник радиоизлучения, там, где на дне кривого, изогнутого озера появился ровный, как пятак, кратер. Этот кратер заметно «светился» в радиодиапазоне, но через сутки «остыл», радиоактивное излучение ослабело, опустившись до уровня, превышающего обычный «всего» в пятьдесят раз.

Наблюдать за странным кратером через видеодатчики спутников пришлось недолго, потому что скоро небо закрыли тяжелые дождевые тучи – в природе ничего не исчезает бесследно, и тысячи тонн воды, поднявшиеся в виде пара, куда-то в конце концов должны были излиться. И они излились. Такого потопа эта северная земля не видела, наверное, с тех пор, когда на этой территории плескались теплые юрские моря.

Первыми место катастрофы посетили военные, оцепив район бедствия плотным кольцом патрулей.

Выжав из ситуации всю возможную информацию, через две недели после происшедшего события допустили до места предположительного падения метеорита (если это был он!) гражданских ученых, в том числе и ученых других стран. Ученые несколько недель исследовали феномен, но, как и военные специалисты, не пришли ни к какому определенному выводу. Самой популярной была версия о том, что в землю врезался микрометеорит, состоящий из антиматерии – что-то вроде песчинки, обладающей невероятной энергетической мощью.

Это не объясняло, почему уже по прошествии месяца после катастрофы радиоактивность кратера была близка к фоновому уровню.

Не объясняло, почему пострадал только район Камень-озера и почему разрушения от аннигиляции антиматерии были сравнительно щадящими, и это при том, что возник кратер глубиной около ста метров, диаметром около семисот. Даже озеро осталось на своем месте, почти не выплеснулось из берегов, не полностью испарилось в огне ядерного взрыва.

Деревни, что находились на берегах, частично пострадали, но больше от волны цунами, чем от радиации: много домов снесло, пострадали сотни людей, несколько десятков из числа местных жителей погибли. Жертв было бы больше, но Камень-озеро находится в малонаселенной местности, и, кроме того, МЧС среагировало быстро, четко, в первые же

минуты после катастрофы выслал в район бедствия вертолеты и наземную (и наводную) технику.

Каких только версий не было выдвинуто, кроме версии о метеорите из антиматерии, – и диверсия, и взрыв двигателя инопланетного корабля (вторая по значимости, после метеорита из антиматерии), и даже испытание новейшего российского оружия, информация о котором скрывалась жестокосердными генералами. Простор для фантазии, так же, как в трагедии на перевале Дятлова, – версий много, и каждая, несмотря на свою безумность, имеет право на существование – все равно никто и никогда не узнает истины.

Но самой главной интригой был все-таки факт бесследного исчезновения целого острова, именуемого «Красным островом». Небольшой, несколько сотен метров в диаметре, формой похожий на неправильную трапецию – он не представлял из себя ничего интересного. Не представлял БЫ, если бы на нем не находилась одна из четырех зон особого режима, в которой содержались осужденные на пожизненное заключение.

Маньяки-убийцы, грабители-убийцы, педофилы-убийцы, сто девяносто человек, которых и людьми-то назвать можно лишь с натяжкой.

Сто девяносто – и пятьдесят охранников, «вертухаев», вместе с обслуживающим персоналом, в то время находившимся на работе. В числе охранников – тридцать женщин, которые несли службу наравне с мужчинами.

Красный остров оказался как раз в эпицентре катаклизма, и судьба тех, кто пропал вместе с островом, – неизвестна. «Тройка», как называли зону заключенные, исчезла бесследно и навсегда, будто какой-то великан огромной ложкой вычерпнул «Тройку» вместе с островом Красным из тяжелого скального грунта и швырнул ее в помойку, туда, где и должны находиться отбросы человеческого общества. В ад.

Глава 1

Полгода в командировке. Хватит уже, наверное... тридцать семь лет, а ни семьи, ни детей! Только сестра. Она и есть семья. Ну и племянница, само собой. Умница, красавица – в Англии учится. Какого хрена в Англии? А вот поди ж ты, спроси у Вальки – какого хрена?! Услышишь много интересного! Но не очень приятного.

Ах, Валька, Валька! Бизнесменша! Или как там называют таких дам? А! Бизнесвумен! Нет, а чего – молодец ведь! Без мужика, в одиночку подняла бизнес, наладила – и магазины, и салоны красоты!

И его деньги там крутятся, все, что заработал за годы службы. М-да... заработал. Зарплата так-то неплоха, но... никак она не может компенсировать опасность – ежедневную, тягучую, к которой привыкаешь и к которой привыкнуть невозможно. А еще заработал – раны и контузию, которую получил пять лет назад, когда граната разорвалась в воздухе над головой. Посекло крепко, по башке врезало, но жив остался. Везунчик, одно слово!

Но когда-нибудь все-таки не повезет, когда-нибудь так жахнет, что полголовы в канаву! Нельзя постоянно испытывать судьбу на прочность.

Хватит. Рапорт – и боевой разведчик спецназа ГРУ отправится на заслуженный отдых. Выслуга есть – год за три, это что-то да значит. Набрал уже на пенсию. Ребят терять не хочется, а так бы давно ушел. Привычка, что ли?

Привычка, ага... привычка видеть везде врагов. Вот сейчас за углом что-то мелькнуло – следят? Подкрадываются?! Дозор?! И тут же, как холодным душем – дурак, да ты же в городе! В своем родном городе! Кто тут может подкрадываться?! Вон та девушка в коротких шортах, из-под которых выглядывают узенькие черные трусики? Или тот парень, который бежит, торопится, а в руке букет – к девушке, наверное...

Защемило в груди – никого! Ну, совсем никого, кроме Вальки! Никто не ждет, никто не встретит... Друзья?! Типа – боевые друзья, да? Чушь собачья. Какие друзья у разведчика? Приятели в лучшем случае. И то... теоретически. Когда тебя выбрасывают в джунгли с заданием... или не в джунгли, а наоборот – в пустыню, и вокруг тебя одни бородатые рожи, твое ранение – это смерть группы. Ведь если ты не можешь идти и соратники тебя понесут – им тоже кранты. А значит, одно – остаешься и выбираешься, как можешь. Или НЕ выбираешься, а устраиваешься за барханом и выпаливаешь бое-комплект, стараясь экономить патроны, забирая с собой на тот свет как можно больше любителей молоденьких гурий. Прикрываешь группу.

Так остался Васька Инин, так остался Петька Сиротин. Выстрелы – одиночные, короткие очереди, а потом взрыв. Все. Конец.

Никто не хочет попасть в плен к бородачам. Впрочем, и они тоже не любят объятий спецназа. Попался один такой... полевой командир. Случайно влетел – наткнулся на разведчика, – пришлось убирать. Как они с нами – так и мы с ним... пожалел он, что не умер сразу. Горько пожалел. Возможно, и о том, как резал головы христианам.

Николай вздохнул, встретился взглядом с продавщицей мороженого – молоденькой девушкой, видать, студенткой, подрабатывающей на каникулах, и та вдруг едва заметно вздрогнула. И что такого в нем? Мужик как мужик! Взгляд тяжелый? Так повоюй с мое, и не такой взгляд наработаешь! Шрам на щеке? Решила, что какой-нибудь там уголовник? А что, все может быть... «клешны» тоже в шрамах, лицо загорело до черноты, ну а гламурностью

никогда не отличался – не баба же, в конце концов! Валька всю красоту себе забрала, а ему оставила худую, жесткую физиономию, крепкий костяк да стальные мышцы, способные свернуть в кольцо двадцатисантиметровый гвоздь. Зачем красота мужчине? Это гомики пусть о красоте заботятся, а ему нужно думать о том, как выжить!

Впрочем, хватит уже об этом думать. Пора остепеняться. Ей-ей, устал. И мерещиться стало, накрывает... паранойя! Никто об этом не знает – скажешь костоправу, тут же нахрен комиссуют. А что он умеет, кроме того, как прокрасться туда, куда никто не сможет пробраться, да убивать из всех видов оружия! И не только оружия...

Валька все водит к нему знакомых девиц – сватает, сводница чертова! Все надеется племянников потискать! А какие, к черту, племянники, когда он из командировки в командировку?

Ну да, дело нехитрое – сунул, не вынул, вот тебе и племянник, только дальше-то что? И будет пацан расти безотцовщиной! При живом отце! Нехорошо это. Совсем нехорошо. А если убьют? Кто сына-дочь воспитает? Нет, это было бы безответственно.

Улыбнулся продавщице, от чего та сделалась еще более подозрительной, даже злой. Ругнул себя – улыбка-то у него тоже еще та! Не улыбка, а оскал! Звери так улыбаются – вроде и весело, но клыки-то огромные, белые! Чует девчонка в нем зверя, хотя вот спроси ее сейчас – а что такого испугало в сорокалетнем прохожем? Чем он ее напугал? Так и не скажет же.

Но это все интуиция – люди подсознательно чувствуют опасность, и надо доверять своим чувствам. Если тебе кажется, что за углом стоит бородач с автоматом, – лучше поверить своему чувству и ошибиться, вылетев кувырком из дверного проема и зря потратив патроны, чем шагнуть за порог и оказаться без головы, как многие, кто не верит в предчувствия.

Вообще, предчувствие можно развить – как говорил некогда преподаватель в учебном центре. Предчувствие – это совокупность фактов, которые ты не сумел сопоставить прямым способом и которые обработало твое подсознание, выдав необходимый результат. Например, тот же бородач за углом разрушенного артиллерией дома воняет потом и насваем, но твой нюх не может определить этот запах сразу, не может сделать вывод на основании неуловимых молекул, попавших в ослабленный цивилизацией нос. Но подсознание отсортировало поступивший поток информации, и в голове тут же вспыхнул красный сигнал тревоги. Интуиция, предчувствие? Чушь! Опыт, вот и все.

Знакомая улица... прожил здесь долгие годы! Вначале – счастливые, а потом... потом погибли родители, отправившиеся на дачу в своей старенькой «девятке». У грузовика со щебнем отказали тормоза... Десять тонн щебня плюс одиннадцать тонн маза – никаких шансов. Родителей вырезали из легковушки с «козырным» номером А544АА.

Отец смеялся – достался номер, как какому-нибудь крутяку! На хаяву! Счастливый номер!

Вот оно, счастье... хромое какое-то. Подлое.

Школа... В этой школе учился, отсюда бегал на тренировки – в девятом классе стал чемпионом города по боксу! Карьера, однако! Если бы тогда послушался тренера и занялся спортом профессионально – что бы тогда было? Может, сейчас жил бы где-нибудь... Хм-м... Где? Что-то, кроме Питера или Сочи, в голову ничего не идет. Даже представить нельзя, чтобы жить где-нибудь в Германии или Англии!

Дура Валька, ну зачем племяшку отправила к этим уродам! Что у нас, университетов

хороших нет?! А там нахватается дряни какой-нибудь, наркоты, разврата! А то еще сделают из нее вражину, как многих, кто учился у пиндосов или в Европе: внедряют мысль, как хреново быть русской, как надо стыдиться своих корней, как правильно жить – толерантно, уважая права гомосексов и каннибалов! И будет вместо Нюски Дермуська! Это надо?

Отец хоть Родину и поругивал, но за нее всех бы порвал. И мама такая же была. Не зря он, Николай, пошел на сверхсрочную, ну а потом в офицерское училище. Родину защищать. «Есть такая профессия – Родину защищать!» – отец всегда аж глазами влажнел, когда слышал. И мама. А вот Валька...

Да ну что Валька – Валька молодец! Когда они вдвоем остались, она работала на двух работах, а у него, Кольки, все было! И поесть, и одеться, и лисапед! И телефон сотовый – что тогда было не у всех.

И с мужем своим разбежались из-за него – какому мужику понравится, если его жена заботится о своем брате больше, чем о благоверном? Ну и сбежал через год, оставив «подарок» – Нюську.

Так-то не Нюська – Нина, но ему нравилось звать ее так. Ей очень подходило – такая кнопочка была, вся в кудряшках, умненькая, говорливая! Эх, жаль, что она не его дочь! Такой дочерью только и гордиться!

Нашупал в кармане маленькую коробочку, улыбнулся – колечко с бриллиантом. Дорогое, наверное. У бородача в котомке было – видать, магазин ювелирный грабанул. А может, в квартиру к христианам вломился. Ему уже ни к чему, он сейчас гурий тискает или скорее всего в аду на колу корчится, а вот Нюське колечко с красным брюликом пригодится – она, как сорока, охоча до блестяшек. А ему, вояке, побрякушки не нужны. Жены нет, любовницы постоянной тоже. Пусть радуется девчонка!

Вальке тоже есть подарок – браслет с изумрудами, она любит зеленое. Рядом с колечком лежал, завернутый в клочок цветной ткани.

М-да... лучше девкам не говорить, как побрякушки достались. Не знают – и слава богу, носи на здоровье. А то начнут ныть о проклятиях, о всякой экстрасенсорной ерунде, в которую Николай никогда не верил и верить не собирался. Верить нужно в то, что реально, а не в придуманные досужими выдумщиками сказки.

Усмехнулся – какие, к черту, проклятия? Какие колдуны? Людей надо бояться, а не мифических волшебников! Хотя и людей бояться не надо – опасаться, это да, но чтобы бояться...

Хорошо все-таки, что войны нет! Солнце, ветерок, красивые девушки – жизнь хороша, и жить хорошо! Война где-то там, далеко – рвутся снаряды, гортанно кричат бородачи перед тем, как отправиться в райский сад, а тут... вот где рай! Особенно если выберешься из ада...

Шагнул за угол дома, и вдруг сердце захолонуло – у подъезда знакомые бабульки, все в темных платках, темной одежде. Тетя Маша с первого этажа, она его знала как облупленного с самого детства – увидела, отвела глаза. Потом что-то сказала, и все бабки, как один, повернулись к Николаю. Он подошел, ускоряя шаг, и обостренный слух услышал шепот:

– Как проклятие какое-то! То родители, а вот теперь она!

– Что случилось?! – спросил Николай деревянным голосом, лишенным и намека на эмоции. Он уже знал, что случилось, но не хотел в это верить. – Вы чего на меня так смотрите?!

Тетя Маша всхлипнула, вытерла глаза, потом плачущим голосом заговорила-завыла:

– Не успел ты, касатик! Коленька, да где же ты был-то?! Похоронили красавицу,

похоронили ласточку нашу! Ой, беда-то какая! Беда!

– Что, что случилось?! – рыкнул Николай, и в глазах его потемнело, мир закружился, будто рядом жажнул стапятидесятимиллиметровый гаубичный снаряд.

– Покончила с собой твоя сестренка, – мрачно, дребезжащим голосом сказал Иван Сергеевич, бывший учитель математики, из третьего подъезда. – Утром сегодня схоронили. Вот с поминок идем, Ниночка поминки делает. Крепись, Коля...

Николай больше уже ничего не слышал. Он рванулся вперед, в подъезд, знакомый, как свои пять пальцев, пробежал по ступеням (ровно семьдесят пять на каждом лестничном пролете) и взлетел на пятый этаж. Валя скупил тут сразу три квартиры, объединила их в одну – блажь, конечно, но с другой стороны – он ее понимал. Родительская квартира – память. Она сейчас дом строила, но увязла в строительстве, с деньгами что-то лихорадить стало – в подробности не вдавался, бизнес – это не его дело. Она всем рулит, ей виднее.

Открытая дверь, запах щей, на столах – кутья, как и положено на поминках. Портрет Вали – молодой, улыбающейся, веселой.

Он помнил это фото – семь лет назад, вернувшись из очередной командировки, позвал Вальку с Нюской погулять в городской парк. Катались на лодках, на каруселях, сидели в кафе, ели мороженое, разговаривали. Валька тогда пыталась ему впарить очередную претендентку на руку и сердце – врача-косметолога из салона красоты. Молодая женщина, приятная, фигуристая – они встречались около года, даже пожили вместе в квартире Николая, пока он не улетел в командировку. Вернулся через два месяца – записка и ключи: «Прости, но такая жизнь не для меня. Мне нужен муж дома». Он ей больше не звонил. Права она, что поделаешь?

Негромкие голоса, незнакомые лица – кто они, эти люди? Зачем тут? Суется, какие-то женщины ходят, разливают борщ, компот. Отвратительный приторный компот, коричневый, как глина, в которую закапывают покойников.

Николай ненавидел этот компот. Он возненавидел его на поминках родителей и ненавидел всю жизнь, как символ смерти, тлена, как символ разрушения счастья.

Нюська сидела с угла стола – молоденькая, красивая и потухшая. Черный платок, напыленный кем-то из бабулек-организаторов, контрастировал с блузкой и серыми брюками, светлыми, почти белыми. Валька ненавидела черный цвет, искореняя его везде, где можно, и приучила к тому свою дочь. Он для нее был символом смерти и напоминанием.

Когда Николай вошел в двери, бормотание стихло и все оборотились к нему, как и соседи пять минут назад на улице. Они будто чего-то ждали, лица, глаза, любопытство и сочувствие – искреннее и напускное. На поминках всегда бывают люди, которые желают на халяву поесть. Русский обычай это поощряет – чем больше знакомых и незнакомых помянут покойника, тем легче ему будет на том свете. С чего решили, что именно так и будет, – неизвестно. Просто решили, и все. Видимо, так легче принять факт того, что близкий тебе человек уже никогда не вернется назад, не сядет в свое любимое кресло, не обнимет, не прижмет к груди. Ни-ког-да. Страшное слово...

Нюська заметила его самой последней, она будто впала в ступор, глядя перед собой в пространство, а когда заметила – сорвалась с места, уронив стул, и бросилась к Николаю, ударив его кулаками по груди:

– Будь ты проклят! Проклят! Где ты был?! Где ты был, когда мама умирала?! Почему не защитил ее?! Почему?! Ты ведь говорил, что не дашь ее в обиду! Что всех за нее порвешь! А ты... а ты...

Она захлебнулась слезами, побелевший Николай обхватил ее за плечи, яростным, кинжальным взглядом обведя комнату по кругу. Глаза сразу потупились, взгляды уткнулись в чашки – люди сделали вид, что ничего не заметили. И тогда Николай увлек девушку в другую комнату – благо, что их было тут предостаточно.

Взгляд разведчика автоматически отметил, что в квартире неожиданно пусто – Валя любила загромождать комнаты диванчиками, диванами, тахтами, пуфиками и всякой такой мешанской ерундой, смеясь, говорила, что настрадалась в детстве, когда он сталкивал ее с единственного дивана напротив телевизора, и теперь отыгрывается за всю свою юность.

А еще она любила картины, скупала всякую дребедень, мня себя маститым искусствоведам – наивная, ей всучивали всякую мазню, то «под Айвазовского», то «под Врубеля», и она искренне считала, что этот кич стоит своих денег и что ее вложение с каждым днем растет в цене. Как ни странно – ей везло, и картины, которые Николай считал совершеннейшей дрянью, вдруг кто-то покупал, и прибыль, бывало, составляла тысячи процентов.

«Дурочкам везет!» – смеялся он, а Валя лишь хохотала и норовила выдать ему пендаля. «Высокие родственные отношения!» – как однажды, хихикая, определила Нюська.

Не было и каминных часов, купленных Валею где-то в деревне, совершенно случайно и глупо – зашла купить молока и увидела эту монументальную штуку, покрытую куриным пометом. Отремонтировали, отчистили – ей предлагали за них пять тысяч баксов, но Валя не отдала, считая, что часы стоят гораздо дороже. Скорее всего так и было.

Тут же заметил разбитое, перекошенное пластиковое окно – по нему будто кто-то ударил со всего размаха, тяжелым табуретом, проламывая сразу помутневший прозрачный пластик.

Не было люстры, которая висела в зале, вместо нее – пустой крюк, и с замиранием в сердце Николай понял – тут. Она повесилась тут.

В спальне Нюськи остался только старый стул с высокой спинкой да табурет – оба остались еще от родителей. Старые, но крепкие, как и многое из того, что делалось в советское время. Их давно следовало выкинуть, но рука не поднималась – на этом стуле любил сидеть отец, а этот табурет мама придвигала к столу, когда приходил кто-то из гостей. Дерево хранило тепло рук родителей, и выбросить их означало истончить и так уже тонкую нить, протянувшуюся в прошлое.

Николай усадил Нюську на стул со спинкой, сам уселся на табурет, широко расставив колени и наклонившись вперед, к заплаканному лицу, с которого слетел европейский лоск. Теперь это была просто зареванная русская девчонка, только что похоронившая маму. И плевать ей на всю Европу и Америку, вместе взятые! Пусть они сдохнут! Лишь бы мама жила...

– Что случилось, Нюся?! – максимально бесстрастно, подавив порыв крикнуть, спросил Николай. Его потряхивало, как перед боем, но железная воля подавила дрожь – как и обычно, как и всегда.

– Мама повесилась, – бесстрастно, пусто прошептала девушка. – Взяла и бросила меня! Бросила! Она меня бросила! И ты бросил!

– Я не бросал! Я был в командировке! – проскрипел зубами Николай. – Рассказывай по порядку! Ну!

Последнее слово он произнес яростно, выдохнул, будто жаром пыхнула огромная сталеплавильная печь, и Нина чуть отшатнулась, будто испугавшись его порыва. Потом вздохнула и так же пусто, бесстрастно начала рассказ:

– Она в долгах запуталась. Насколько я поняла – взяла большой кредит на что-то, на что – не знаю. Миллионы долларов! И ее кинули. Подробности мне неизвестны – ты же знаешь... знал маму, она насчет работы молчит как рыба. Мол – не твое дело. Ну вот... начали на нее наезжать – бандиты приходили. Коллекторы вроде как... соседи рассказали. Кричали, ругались. В общем – все очень плохо. Она записку оставила, что перевела на мой счет какие-то деньги, я еще не проверяла. Написала, что виновата передо мной и перед тобой, дядь Коль... Что вложила деньги и ее обманули, а теперь угрожают, и чтобы уберечь меня – она приняла такое решение. Вот и все.

– Господи, да почему же она ко мне не обратилась?! – простонал Николай. – Ну почему, почему?!

– Тебя не было, – просто сказала Нина и потерла лоб. – Да и что бы ты сделал? Денег у тебя нет, а у них все по закону. Эта квартира теперь не наша – мне уже сказали, приходили из коллекторского агентства, показывали документы. Она переписала квартиру на них. Машины тоже переписала – обе. И дом недостроенный с участком уже не наш. И магазины, и салоны красоты – все теперь не наше. Я нищая, дядь Коль. Ничего нет, дядь Коль. Вот пройдут поминки, и куда идти – я не знаю. У меня есть на счету пятнадцать тысяч долларов – она давно их положила, на проживание, на учебу, но на все время обучения не хватит. Буду работу искать. Чуть-чуть ты не успел, дядя Коля... Говоришь, почему к тебе не обратилась? Берегла, наверное. Как и меня. Она тебя всегда считала едва не сыном... мне иногда даже смешно было...

Нина вдруг зарыдала, уткнувшись лицом в ладони, а Николай растерянно подумал о том, насколько девочка была права. Точно, Валя всю жизнь считала его чем-то вроде маленького, несмышленого сына, о котором надо заботиться, иначе он сам о себе позаботиться не сможет. И неважно, что теперь он был майором спецназа, руки которого были по локоть или даже по плечи обагрены кровью врагов, для нее он все равно был Колюнкой, маленьким мальчишкой, который рыдал на плече сестры, когда родителей опускали в могилу.

Валя тогда не плакала – она только почернела лицом, ожесточилась и была похожа на хищную птицу, на ястреба, который защищает своего птенца. И горе тому, кто обижал ее Колюнку, – однажды она пришла в школу и едва не покалечила пацана-второгодника из параллельного класса, который регулярно преследовал Колю после уроков и на переменах, измывался над ним – как делают все ущербные, подлые людишки, неспособные ни на что хорошее в этой жизни. (Он потом был убит в бандитской разборке – много лет спустя. Закономерный финал. Беспредельщиков не любят нигде – в том числе и в криминале.)

После того как Валя едва не вырвала обидчику Коли глаза, а потом едва не откусила ухо его отцу – скандал бы несусветный, ее хотели судить, но после того, как на защиту отчаянной встали все родители обиженных негодяем детей, дело спустили на тормозах, а хулигана перевели в другую школу, куда-то на окраину, где его след и потерялся. Николай случайно узнал о его смерти из криминальной хроники, едва разглядев в заплывшей жиром морде убитого бывшего школьного недруга. Узнал его только по шраму, изогнувшему бровь вопросительным знаком, что в детстве придавало пацану вид глуповатый, недалекий и даже вовсе придурочный.

В тишине комнаты вдруг зазвучал телефон, и Николай с трудом удержался, чтобы не вздрогнуть, – знакомая мелодия, такая стояла на аппарате Вали – «У природы нет плохой погоды». Мама очень любила этот фильм и эту песню, потому Валя поставила мелодию на трубку и не меняла ее с тех пор, как купила свой первый аппарат.

– Опять звонят! – с горечью сказала Нина. – Я им говорю, что мама умерла, а они угрожают, мол, вру я все, придумываю и что они пришлют своих парней, чтобы с нами разобраться. И со мной тоже – мол, меня будут насиловать кавказцы, а потом продадут в турецкий бордель. Представляешь, дядь Коль, они ведь названивают так сутки напролет! И они все время разные – то мужчины, то женщины, и говорить с ними невозможно – наглые, матом ругаются, орут! Как такое допускают в стране, а? Это же бандиты! Настоящие бандиты! Это они маму довели до самоубийства!

Нина замолчала, опустила взгляд, будто не решаясь сказать, помолчала секунд десять и наконец все-таки решилась:

– Дядь Коль, я не верю, что мама сама... – Она поперхнулась, закашлялась и сдавленным голосом продолжила: – Ее убили! Уверена! Ты же знал маму, она железная была! Ее не сломать было! Только убить! Не верю! А следовательно говорит – никаких следов насилия. Мол, сама повесилась. И записка есть. Если бы ее убили, заставили написать записку – не стали бы упираться на то, что она была должна и ее довели до самоубийства. Придумали бы что-нибудь попроще – так следовательно и сказал.

Смолкший было телефон снова зазвонил, и Николай требовательно протянул руку:

– Дай мне его. Пусть у меня останется, ладно?

– Дядь Коль... только это... ничего не надо, ладно? – Нина скривила губы, удерживаясь от рыданий. – Все равно ничего не добьешься, а тебя еще и посадят! И как тогда я буду? У меня же никого теперь, кроме тебя, не осталось! Никого, понимаешь? Совсем никого!

Николай принял трубку, не дрогнув ни одним мускулом лица. Сейчас он не мог себе позволить расслабиться, распусться. Стоит дать волю чувствам, и... все проиграно. Бой проигран! Воевать нужно с холодной головой. И дурак он был, когда радовался тому, что здесь нет войны! Есть она! Только невидная, замаскированная, тихая, как чума, вползающая в здоровое тело. Допусти ее – и разложится организм, расцветет страшными гнойниками, умрет, превратившись в грудку гниющего мяса. Заразу нужно выжигать огнем, если нет на нее другого лекарства, чтобы не заразились здоровые органы!

Он взял трубку, двинул по экрану пальцем. Дорогой телефон, хороший! Как это его не отобрали? Видимо, решили, что успеют, как-то ведь надо связаться с должником? Как-то надо названивать ночь-заполночь?

– Я слушаю, – ответил он бесстрастно, холодный, как айсберг, утопивший «Титаник».

– Ты кто? – Грубый голос в трубке напомнил ему о том хулигане из детства. Тот тоже любил подпустить глумливые, шпанские нотки.

– А кто вам нужен? – так же бесстрастно спросил Николай, не глядя на замершую Нину.

– Где Валентина? Где эта сука, которая денег нам должна? – Голос не церемонился в выражениях, ему было привычно плевать. – Ты кто, ушлепок?

– Я брат Валентины, Николай. И ее компаньон, – продолжил Николай, не обращая внимания на хамство звонящего.

– Бра-а-ат?! Компаньо-о-он?! Эй, чмо, вы когда со своей шлюхой-сестрой будете долг отдавать? Ты в курсе, что она должна еще тридцать миллионов?! И долг растет! Так когда отдашь?! И нечего кормить меня баснями про болезни и смерти – не отдаст, мы ее ваххабитам в яму спустим! А дочку ее Ниночку будем иметь хором, пока матку наизнанку не вывернем! А потом продадим в бордель! Турецкий бордель! Ты слышишь меня, чмо?!

– Я слышу вас. Куда можно принести деньги? Все не обещаю, но миллионов десять привезу. Наличными.

– Вот это другой разговор! – смягчился голос на другой стороне. – Ты нормальный мужик! Вези сегодня, раз так! А по остальному долгу тогда как? Когда?

– Десять отдам завтра – скиньте мне адрес, куда подъехать. Только все документами оформим...

– Конечно, конечно, все дадим! Приходный ордер, как полагается! – обрадовался голос. – Не переживайте, все оформим!

– Остальное в течение месяца, – продолжил Николай. – Нужно активы подчистить, собрать. Но только чтобы долг не рос. Подготовьте соглашение на эту тему.

– Конечно! Все подготовим! Без проблем! – Голос стал совсем мягким и даже ласковым. – Ну вот видите, всегда можно договориться! А вы прячетесь, а вы скрываетесь... мы же не звери какие-то, если вы к нам с душой, то и мы к вам...

– Адрес, куда везти деньги, скажите, – перебил Николай. – Где у вас контора, где будете принимать деньги?

– Офис? – слегка замялся собеседник. – Луначарского двадцать один, дробь два, корпус один, первый этаж, коллекторское агентство «Аргус». Во сколько вас ждать?

– В 17.00, – подумав, четко ответил Николай и нажал кнопку отключения.

– Дядь Коль, откуда у тебя такие деньги? – с недоумением и некоторым страхом спросила Нина. – Ты же на зарплату живешь!

– Были кое-какие сбережения, не переживай. – Николай успокаивающе кивнул и похлопал девушку по плечу. – Пойдем-ка мы с тобой домой. Нам предстоит многое сделать – ты ведь где-то теперь должна жить, так? Попробуем тебя по-быстрому выписать отсюда и прописать у меня – без прописки ты никто и звать тебя никак. Будешь жить у меня. Квартирка однокомнатная, но меня часто не бывает дома, так что я тебя не стесню. А там придумаем что-нибудь, разберешься со своим счетом... Кстати, а почему тебе эсэмэска не пришла, что мать перевела деньги? Обязательно ведь приходит!

– Да я сим-карту ведь сменила! У меня английская сим-карта! Она не привязана к банковской карточке!

– А в банкомате проверить не догадалась? – снова хмыкнул Николай, пристально вглядываясь в лицо Нины. – Тебе бы и выдало весь расклад!

– Честно сказать – мне не до того было, – призналась Нина, утирая глаза платком. – Пофиг на деньги! Понимаешь?

– Понимаю, – вздохнул Николай и встал с табурета. – Шагай, потом разберемся. А деньги на поминки где взяла? А! Ну да, понятно. Пойдем.

Они прошли мимо чавкающих, хлюпающих людей, не обращающих на них уже никакого внимания, вниз по лестнице, давя подошвами брошенные на землю цветы, и вышли на солнышек, в тихий дворик, уже не казавшийся таким уютным. Ощущение было таким, будто кто-то пришел и вымазал все вокруг дерьмом. Возвращаться сюда больше не хотелось. Никогда. И ни за чем.

* * *

Они проверили карту Ньюськи, денег было не так уж и много, но кое-что все-таки ей досталось – семьдесят девять тысяч долларов, ну и плюс то, что оставалось от похорон и поминок. Итого – около ста тысяч. Об обучении в Лондоне можно теперь забыть, но на

жизнь, пока не найдет достойную работу, вполне хватит. Какую работу? Менеджером, дизайнером, в рекламном агентстве, тем более что училась Нюська именно по этому направлению.

Остаток дня потратили на прописку – обошлось довольно дорого, но ушла паспортистка буквально за два часа сумела и выписать, и прописать Нину. Благо, что сегодня был рабочий день в паспортном столе – повезло.

Пятнадцатиметровая однушка Николая не вызвала у Нюськи никаких особых эмоций – она бывала здесь раньше, с матерью, правда, уже давно. Но с тех пор практически ничего не изменилось – телевизор только стал побольше да стиральная машина другой марки. А так почти пустое жилище со спартанской обстановкой – кровать, диванчик, в углу избитая мишень для метания ножей, в центре которой топорщатся десяток стальных «рыбок». Все привычное, все чисто утилитарное – никаких тебе фарфоровых кошечек или настенных эстампов. Видно, что человек приезжает сюда, только чтобы переночевать – как в гостиничный номер. Квартира и напоминала этот самый номер, убери отсюда здоровенную плазменную панель – и будет тебе номер где-нибудь в не очень провинциальной гостинице.

Николай отдал Нюське второй комплект ключей, а потом они вместе съездили на вокзал за вещами, которых было не так уж и много – две большие спортивные сумки, набитые всякой девчачьей всячиной, которую Николай старался не разглядывать. Неудобно, хоть Нюська и племяшка, которую видал во всех видах с самых что ни на есть карапузных лет, но все-таки взрослая девушка. Сколько ей сейчас? Двадцать лет? Или меньше?

Невольно усмехнулся – никогда не мог запомнить ни дней рождения, ни возраста родных и знакомых. Эти даты казались такими неинтересными, такими недостойными внимания, что мозг сам по себе заталкивал подобную информацию в самые далекие свои уголки.

Нюська долго плескалась в ванной, потом затихла, и Николай с тоской в сердце минут десять прислушивался к приглушенным рыданиям, сжимая в бессильной ярости огромные ладони. На него накатывали волны гнева, растворяющие, уносящие прочь все, что было наносным, приобретенным – законопослушность, готовность следовать приказам, уважение к власти. Но он держался. Негоже распускать нюни или давать волю гневу: гнев – совсем плохой спутник размышлениям.

Когда ты годами находишься в положении преследуемого, когда твоя психика днями, ночами, неделями и месяцами подвергается стрессу, когда ты ходишь по лезвию ножа, не зная, вернешься ли к родному порогу, – немудрено, если в сознании происходит некая профессиональная деформация. Разведчик должен принимать решение на месте, ведь от этого частенько зависит не только его жизнь, но и жизнь тех, ради кого он, как змея, ползает по джунглям или лежит закопанный с головой в горячий песок пустыни. Если тебя случайно кто-то обнаружил – ну просто даже пастух, перегонявший стадо баранов от одного пастбища к другому, или охотник, наткнувшийся на тебя в джунглях, – судьба этого несчастного предрешена.

Жестокость? Необходимость. Вот только потом снятся глаза этого пастуха, умоляюще протянувшего трясущуюся руку. И глаза мальчишки, неуверенно улыбнувшегося перед тем, как оборвалась его жизнь. Не сразу начинают сниться. Через год, пять лет, десять – у всех по-разному. И тогда ты понимаешь – пора уходить.

Вот только куда ты уйдешь от самого себя? Куда убежишь, привязанный, будто стальной цепью? Если только на тот свет. Но и это трудно. Человек, который привык побеждать,

привык выживать в любых, самых нечеловеческих условиях, не может просто так взять и пустить себе пулю в лоб! Это мерзко. Это слабость, а слабость постыдна. Так учили его те, кто сделал из простого мальчишки Коли Зими́на майора Зими́на – разведчика, убийцу, боевую машину, специалиста по выживанию, лазутчика и диверсанта.

Николай подошел к полке, на которой выстроились пыльные книги, достал из початой пачки бумаг два листа, положил на письменный стол, стоящий возле окна. Нашел авторучку, с минуту чиркал ей по квадратику маленького желтого листка, пытаясь добыть из нее подсохший гель, наконец ручка все-таки расписалась, оставив на почерканной бумаге синие линии. И тогда Николай вывел на листе:

«Завещание.

Я, Николай Ильич Зимин...»

Остановился, подумал, поднялся, сходил, достал военный билет, снова сел за стол. Еще секунды три подумал, снова поднялся – подошел к сумочке, которую несла в руках Нина, открыл ее, заглянул. Нашел паспорт, подошел к столу и, не садясь, переписал все данные на листок. Вернул паспорт на место и продолжил писать, задумываясь на секунду, морща лоб, на котором пролегли ранние, глубокие морщины. Год за три – это не только выслуга лет по службе, это еще старение психики, да чего греха таить – и организма тоже. До сорока в разведке еще никто не дотягивал – или переходили на более щадящую службу, или увольнялись, или... гибли. Последних было гораздо больше.

На завещание ушло времени немного, все движимое и недвижимое – племяннице. Написанное собственноручно да с личной печатью офицера – вполне законное завещание, оспорить которое не сможет никто. Если это делать по закону, конечно. Квартира почти в центре – стоит немалых денег, на счету в банке – около трех миллионов, тратить некуда было, накопил. Машины не завел, одежду дорогую не покупал, женщин, которые высасывают финансы, как пылесос, – не имел. Вернее – имел, недолго, вот они его поймать никак не успевали. Времени не хватало. Или, вернее, хватало – чтобы понять, что с таким, как Зимин, связываться бесполезно. Неперспективный мужчина. Женщины – они чуют по ветру не хуже зверей, сразу определяют, нужна им эта «дичь» или нет.

Второе завещание писал уже с листка, не задумываясь. Дописав, достал офицерскую печать, которой пломбировал свой сейф в рабочем кабинете, подушечку с чернилами – оказалось, что она высохла, пришлось побрызгать на нее из бутылки водки, початой еще полгода назад. Приложил печать, вдавливая ее в ладонь, подумал, намазал подушечку большого пальца правой руки – тоже приложил. На всякий случай, чтобы наверняка!

Затем уложил завещания в файлы, один экземпляр спрятал в бумаги письменного стола, другой заложил за ковер, на котором стоял стол. Все! Теперь нормально. Даже если с ним что-то случится – Нюська бедствовать не будет. Девка она головастая. Выкрутится – денег ей хватит на несколько лет безбедной жизни. Ну а если профукает – значит, такая ее судьба. Он, Николай, сделал все, что мог. И большего от него требовать не стоит.

Пошарил в столе, в потайном ящике, сделанном на заказ, – достал документы на квартиру, положил на полку. Оттуда же извлек нож-финку в потертых, старых ножнах. Этот нож он купил еще десять лет назад – отличная сталь, настоящий пуукко. Финны в советско-финскую войну очень ловко метали такие ножи, почему красноармейцам и предписывалось при встрече с финским бойцом слегка приседать – нож обычно шел прямым в горло, а присев, ты получаешь его в каску, которую он пробить не может.

Николай виртуозно метал ножи – разведчику иначе и нельзя. Если не можешь вогнать

клинок с десяти метров в затылок часовому либо тому, кого нужно убрать без лишнего шума, – что толку с того, что можешь незамеченным пролежать на открытом пространстве двое суток подряд? Диверсант, разведчик должен уметь владеть всеми видами оружия, но особенно теми, которые предполагают мгновенную и абсолютно бесшумную смерть противника.

«Рыцари плаща и кинжала» – не зря так всегда называли шпионов-лазутчиков. Меняются времена, меняются государственные строи, но лазутчики остаются всегда – будь это легендарные ниндзя, «морские котики» или разведка спецназа ГРУ – без тех, кто ползает, крадется и всегда возвращается с добытой информацией, не обойдется ни одна армия, ни одно правительство на свете.

Нож положил во внутренний карман джинсовой жилетки, висевшей на спинке стула. Больше никакого оружия у него не было – если не считать метательных ножей, выстроившихся в центре мишени. Он и финку бы не взял, но решил – пусть будет. Пригодится.

В отличие от представлений обычного гражданина, обывателя, далекого от действительности, окружающей боевого офицера, никакого огнестрельного оружия Николай дома не держал. Даже охотничьих ружей. Когда-то он очень любил пострелять, с удовольствием брал в руки новые модели огнестрелов, наслаждаясь их красивыми формами, хищным видом, радуясь способности того или иного ствола выбросить содержимое патрона с невероятной, почти космической скоростью. Теперь, по прошествии более десяти лет, он уже не любил оружие. И никогда не любил убивать.

И это только в плохом кино у офицера спецназа дома хранится арсенал всевозможного, часто самого современного оружия – на самом деле каждый шаг бойца, находящего на задании, контролируется теми, кому положено это делать. После выполнения задания сдается все оружие, все снаряжение, и тайно протащить «беретту» или какой-нибудь «дезерт-игл» совершенно невозможно. Да и не нужно. Не война ведь, зачем здесь оружие? В мирное-то время?

Николай поиграл желваками на впалых щеках, достал из жилетки коробочку с кольцом, браслет с изумрудами, положил их на стол. Тоже Ньюське. Стоят эти штуки очень даже прилично.

Как протащил? Так не оружие ведь – почитай, трофей. Начальство не поощряло мародерство, но ведь это и не мародерство, забрать у духа или игиловца – разве это грабеж? Пачку-другую баксов, колечко, цепочку – тем более что часть трофеев перепадала и командирам... чтобы глаза закрывали. Нормальная практика, должен же человек как-то жить? Зарплата хорошая, да, но домик за городом на нее не выстроишь, а каждый день ходить между жизнью и смертью – как-то ведь должно компенсироваться?

В общем – оружие нельзя, а вот такие приятные мелочи можно. Только вот не так уж и часто они попадаются. Большинство из бородачей просто голодранцы, наживаются их командиры, эти же регулярно отправляются к гуриям на тот свет, не успев и как следует пограбить. Впрочем, а кого грабить-то? Кого можно было грабить – давно разграбили или же они сбежали от войны. Чудо, что попался такой вот «денежный мешок» – пачка баксов, около двадцати тысяч, побрякушки. Другое колечко отдал полковнику Семину – типа, для жены! Надо было видеть, как загорелись у него глаза – жадноват полковник-то... да и вообще мудака. Не настоящий офицер – кабинетник. И кто его поставил командовать разведкой? Впрочем, это теперь без разницы – кто поставил. Его, Николая, теперь это не касается.

Совсем не касается.

Прислушался – рыдания стихли, журчала вода. Николай сдвинул брови, хотел встать – мало ли, что она там делает?! Не дай бог... Но вода перестала журчать, зашуршало полотенце, зашлепали босые ноги. Успокоился.

Задумался – правильное ли решение он принимает? А как же Нюська? С ней что будет? И тут же усмехнулся – Нюська, на минуточку, уже взрослая женщина! Небось и любовник есть, неизвестно какой по счету! В европах – там этому быстро учатся!

Впрочем – и в России тоже. Запад, он, как запах дохлятины, – пропитывает все, чего коснется. После девяностых молодые-ранние быстро выучили урок, преподанный им западной демократией. Это сейчас пошел возврат к истокам, к здоровому образу жизни – во дворах появились турники, брусья, на которых здоровые, чистые, не пахнущие табаком и пивом парни и девчонки крутят сальто. Это сейчас пропагандируют любовь до гроба, во главу угла ставят семейные ценности, а тогда... тогда – свободная любовь, отрицание извечных духовных ценностей, все, как там, в Лондонах-Парижах, в Нью-Йорках-Лос-Анджелесах. Спыхватились наконец-то... только не поздно ли?

В общем – не пропадет Нюська. Не такой она породы! Зиминского рода, крепкого!

И тут же скривился – эх, Валька, Валька! Ну как ты могла?! Почему не дождалась?! И снова прошибла мысль – не сама! Точно – не сама! Не могла Железная Валька, как он ее в шутку называл, дезертировать, бросить их с Нюской одних! Убили ее, точно.

– У природы нет плохой погоды... – ожил Валькин телефон, и Николай построжел лицом: снова они?! Точно! Они. Ведь сказал же – завтра!

– Слушаю... – Бесстрастный голос Николая впитался в трубку, и оттуда послышался резкий, какой-то скрежещущий голос девицы:

– Это кто? Мне нужна Федосова Валентина!

– Я ее брат.

– Брат? А куда делась должница?! Вы знаете, что она должна около тридцати миллионов рублей?! Вы вообще там башкой думаете?

– Думаем, – спокойно ответил Николай, вцепившись руками в крышку стола. Ему хотелось удавить наглую суку. Нет, не удавить – просто порвать ее на части! Вырвать руку, а потом этой рукой забить гадину до смерти!

Он даже представил эту картину и с минуту сидел, тяжело дыша, прогоняя красную пелену от глаз. Накатило. Опять накатило! Проклятая контузия...

– Да вы понимаете... С вами будем говорить не так... Вы пожалеете...

Наглая девица распиналась, заводясь от своих слов, но Николай ничего не отвечал, окаменев, похожий на статую мыслителя, высеченную скульптором Роденом. Наконец, он справился с собой и, перебивая разошедшуюся девицу, веско сказал:

– Вам что, разве не сказали? Я завтра, во второй половине дня, приезжаю в ваш офис, чтобы расплатиться за долг моей сестры. Что тут неясно? С какой стати вы названиваете мне ночь-заполночь?

– Мне ничего не сообщили... – слегка растерянно ответила девица и тут же нашла. – Это ваша вина, что вам названивают по ночам! Вы испортили жизнь и себе, и племяннице! Кажется, ее Нина зовут? Видишь, мы все знаем! Так что давай-ка, не увиливая, оплачивай долг, а то непоздоровится всей вашей родне! Не только вам, уродам!

– Слышишь, ты... – Николай скрипнул зубами и снова сдержался, выпустив воздух шумно, будто прокололи шину. – Завтра в семнадцать ноль-ноль я буду в вашем офисе с

деньгами! А сейчас – пошла на..!

Он отключил телефон и с минуту смотрел на него, ожидая – зазвонит или нет. Когда плеча коснулась рука – он не вздрогнул, шаги Нины Николай услышал давно, но, занятый беседой, не хотел отвлекаться.

– Опять они?! – Голос Нины дрожал, и Николай подумал, что Нина сейчас расплечется. Но девушка сдержалась и села на диван, целомудренно прикрыв колени полами халата. Совершенно автоматически прикрыла, и Николаю это понравилось – не совсем, видать, развратила племяшку проклятая Европа, стесняется сидеть перед мужиком с голыми бедрами по пояс, даже если этот мужик родной дядька, который знает ее как облупленную. Приличия должны быть!

Николай молча посмотрел на нее, задумался – стоит оно того или нет? Ломать свою жизнь, считай – спускать в канализацию? Ведь не простят. Несмотря на то что он орденоносец, заслуженный офицер с безупречной биографией. Ведомство тут же от него отступится – зачем им преступник? Одно дело – убить ради государства, по приказу. И совсем другое – по собственной инициативе. А в том, что придется убивать, – Николай не сомневался. И надеялся, что придется. Кто-то должен ответить за смерть Валюхи! Должен! Иначе нет в мире справедливости!

– У тебя есть телефон следователя? – спокойно спросил Николай, не обращая внимания на то, как прыгали губы Нины. – Запиши мне его. И я должен тебе кое-что рассказать...

Он около получаса разговаривал с Ниной – показал ей, где лежит завещание, сказал пинкод банковской карты, мол – так, на всякий случай! Если с ним что-то случится. Нина тут же все поняла – умненькая девочка. Начала плакать, ругаться – даже матом. Он пригрозил наплевать ей по губам, а потом вымыть их мылом – если не перестанет так выражаться. Тогда Нина успокоилась и еще с полчаса убеждала, что следствие разберется, что не надо делать ничего «такого» – чего именно, она не знала, но... скорее всего представила, как дядя Коля приходит в офис коллекторов и бьет им морды, а потом его сажают за «хулиганку», увольняют со службы. Глупенькая!

Николай заверил ее, что ничего такого и в помине не будет, он не собирается в тюрьму за избиение каких-то уродов. Просто поговорит с ними, попытается выяснить – откуда ноги растут у ситуации. И передаст все сведения следователю.

Врал, конечно. Уж чего-чего, а следователю передавать он ничего не собирался. Более того – решил, что нужно держаться от правоохранительных органов как можно дальше. Вначале он хотел встретиться с теми, кто ведет дело, поговорить, прочитать записку Вали, но потом передумал. Нет уж... нужно заходить с другого конца. Менты ничего никогда не решают без больших бабок смазки либо без приказа сверху. По крайней мере – по таким делам. Рейдеры умеют налаживать контакты с правоохранителями, потому и живут долгие годы безбедно и в свое удовольствие. Деньги – они решают все. И будут решать, пока существуют денежные мешки и преступления, которые можно заклеить зелеными купюрами.

На одной чаше весов – безупречная служба, ордена, ну и... все. Все. На другой – а что на другой? Что он сделает, когда найдет убийц Валюхи? Мама Вали, как он ее называл в детстве!

Ах, суки, вы суки! Должны, обязательно должны ответить! И не на том свете – на этом! Иначе не будет ему покоя – нигде. Кончилась служба. Отслужил Родине. Хватит.

Теперь служу себе. И Вале.

Он ушел рано утром, когда Нина еще спала, свернувшись калачиком на диване. Николай постоял рядом – неслышный, безмолвный, как тень. Увидит ли ее еще когда-нибудь? Кто знает... Даже если ему удастся уйти от погони, придется скрываться долгие годы, до тех пор, пока не уляжется шум и не закончится срок преследования. Как будет жить эти годы – он не задумывался. Проживет как-нибудь. Выживал и не в таких условиях. Растворится в толпе, окрасится в ее фон, станет одним из них: мимикрия – это способность, вырабатываемая у любого разведчика.

Исчезнуть можно. Сменить документы, уехать далеко-далеко – на перекладных, без билета, как туристы-авгостопщики. Деньги? Деньги всегда можно достать. Например, ограбить магазин, если понадобится. Что ему обычные районные менты? Ему, волкодаву, который бился в одиночку против десятков бородачей, обстрелянных, тренированных, не боящихся смерти!

Только вот не хочется убивать этих ментов. В чем они виновны? Честно исполняющие свой служебный долг... Разменять свою жизнь на десяток-другой служак, которых дома ждут дети, жены? Плохо это.

Но все потом. Вначале цель, а уж потом размышления о смысле жизни. Хватит самокопания, майор Зимин! Никогда тебе не стать полковником... И обычным человеком тоже.

До обеда бродил по улицам города – поел в небольшом кафе, где подавали восточные блюда, посидел на веранде небольшой, чистенькой пивнушки, медленно потягивая ледяное пиво.

После обеда походил по дорожкам городского парка – вспоминал, как гулял здесь с родителями, с Валюшкой, а потом – с ней и с Нюськой, маленькой кнопкой, все время норовившей удрать в кусты и громко возмущавшейся, когда ее отлавливали влет.

По глади большого пруда и по протокам между озерами медленно проплывали гребные лодки со смеющимися парочками, в воздухе разносился запах пончиков, шаурмы, шашлыка и пряностей. Кричали, визжали от восторга детишки, вцепившиеся в поручни карусели, прижимаясь к улыбающимся папам и мамам.

Родители рядом! Солнце! Карусель! Мороженое!

Ну разве это не счастье?! Тогда что такое счастье?!

Николай впитывал, запоминал, будто видел все в последний раз. Скорее всего так и есть. Если он не сможет уйти после выполнения акции – его убьют. Так всем будет проще. Потом соорудят версию – мол, сошел с ума после контузии, так что... Головы, конечно, полетят. Вернее – погоны, хотя для многих из Министерства обороны погоны и головы суть одно и то же.

Семин точно слетит – и поделом. Болван все-таки, хотя и не злой мужик. Лучше такой, чем тот, кто ради своей карьеры бросает на абсолютно безнадежное дело. Хотя... Семину прикажут – он кого угодно хоть в ад зашлет, слова поперек не скажет. Это правила игры, раз послали на смерть – значит, не трепыхайся и умри с честью.

Слава богу, когда сменился министр обороны, атмосфера постепенно изменилась. Теперь уже не дают тупых, безумных приказов. Все-таки зависит от того, кто стоит на самом верху – он подбирает замов, те – своих замов, и так донизу. Если вверху идиот, самодур,

жирный ворюга – то и по вертикали, сверху донизу, будут одни ублюдки. За исключением тех, кто служит не на страх, а на совесть. Но что могут сделать совестливые, когда им отдают глупый приказ? Отказать нельзя – это вам не ООО какое-нибудь и не палатка с шаурмой. Это армия! А в армии не забалуешь. Приказ должен быть исполнен.

К офису коллекторов поехал на маршрутке, точно рассчитав время, чтобы прибыть за полчаса до срока. Нужно было осмотреть местность, спланировать пути отхода. Так-то он примерно представлял, что находится вокруг и куда нужно бежать, но лучше убедиться заранее.

Давно уже здесь не был, и все могло измениться. По городу – везде новостройки, то асфальт кладут, то плитку на тротуары, а то вместо старых, дореволюционных зданий вдруг возникает офисная башня на пятнадцать этажей. Кажется, только вчера ничего не было, и вот сверкает алюминиевыми панелями облицовки, мрачно смотрит в мир черными глазами затемненных окон. Прогресс, однако, дома растут быстро, как грибы.

Разведчик, диверсант должен знать местность, где проводится операция, досконально. Хотя... какой он сейчас разведчик? Как только пройдет информация, что Зимин замешан в преступлении, его тут же уволят – задним числом, без каких-либо сантиментов. И у его группы появится новый командир. Семашко, скорее всего. Дельный парень и в капитанах уже засиделся. Пора ему на повышение.

Николай вздохнул, посмотрел на часы. Сейчас уже почти никто не носит часы – только бизнесмены, желающие понтануться крутыми «бочатами», чиновники, которым нужно отключать телефон на заседании, да вот такие, как Зимин, прекрасно знающие, как легко отследить человека по сигналу его аппарата. Потому он не просто выключил телефон, а еще и разрядил, вынув батарею. Как разрядил и телефон Вали.

Твари звонили ночью еще три раза – он видел пропущенные звонки. Звонок на трубке отключил – подозревал нечто подобное.

Ровно без пяти минут Зимин шагнул на крыльцо офисного здания, над которым красовалась огромная вывеска «Банк Сельхозинвест». Само собой – Николай еще вчера пробил адрес, в котором находилось коллекторское агентство, и не удивился, когда оказалось, что здание принадлежит банку. Где быть специалистам по выбиванию долгов, как не рядом с теми, кто заманивает лохов в свои сети, подсовывая кабальные договоры, в которых если от клиента и не требуют расплачиваться своими органами, то вполне допускают любой, даже такой способ оплаты вздувающихся, как на дрожжах, долгов.

По большому счету банку совершенно до фени, где лох возьмет деньги на оплату кредита – заработает, украдет или убьет соседскую бабушку, – лишь бы его не преследовали быки-коллекторы, лишь бы не били, не угрожали, не встречали перед дверью, ломая ребра и выбивая зубы. Слабый человек кончает с собой, ища в смерти укрытия от негодяев, отравивших ему жизнь, люди посильнее духом перекладывают свои проблемы на других, пытаясь отнять деньги у них, и цепочка зла тянется все дальше и дальше, опутывая слои общества ядовитой удавкой, конец которой находится на самом верху, во властных структурах, попустительствующих откровенному грабежу самых бедных слоев общества.

Впрочем, грабят не только бедноту. Для таких, как Валентина, свои кредиты, не такие маленькие, смешные, как те, что выдавали в ларьках с надписью: «Шустроденьги». Тут речь шла уже о миллионах, и не рублей, а долларов. И ничего не значили бумажки, подписываемые несчастным предпринимателем, которому предложили «выгоднейшую» сделку, в результате которой деньги, взятые под огромные проценты, прокрутятся и вернутся

за считанные дни. Бумажки – прах. Их можно и подменить, а лучше – составить так туманно, что судья, должным образом мотивированный рейдерами, обязательно вынесет решение в их пользу.

С такими лохами работают замечательные психологи, обладающие даром красноречия на уровне легендарного адвоката Плевако, используются психотропные средства, ослабляющие волю клиента, делающие податливым к уговорам, и даже экстрасенсы-гипнотизеры, внушающие человеку то, во что он никогда бы не поверил, будь в здравом уме и ясной памяти.

Этот конгломерат, преступное сообщество, образовался еще в «лихие девяностые», когда и набрал силу, напившись деньгами, как болото напитывается дождевой водой. Дождь из миллионов зеленых бумажек, пролившийся на банк «Сельхозинвест», обогатил многих, допущенных «помочить клювик» в денежном потоке. Здесь, в неприметном, обычном офисном здании, крутились сотни миллионов, миллиарды долларов. И что для хозяев этого государства в государстве жизнь какой-то там бизнесвумен, если нужно забрать у нее пяток магазинов да два салона красоты, приглянувшиеся одному из заместителей председателя акционерного общества «Прогресс-Инвест», которому, собственно, и принадлежал банк. Нет, заместителю принадлежал не весь банк, но часть. Хороший, серьезный пакет акций.

Зачем вдруг олигарху понадобились магазины, салоны красоты? Ну... во-первых, это деньги. Хорошие деньги. А они на дороге не валяются. Вернее, валяются, надо только нагнуться и подобрать – как сейчас.

Во-вторых, если твоей любовнице вдруг захотелось стать бизнесвумен, изобразить из себя маститую бизнес-леди – почему бы не сделать подарок девочке? Хорошая девочка, безотказная! И не брезгливая, что немаловажно. Затеяница!

Ничего этого Зимин не знал. Нет – он знал, конечно, и про рейдеров, и про преступность, пронизавшую все слои общества, но по большому счету его это не касалось. Он делал свое дело, служил Родине, а она уже пускай разбирается с паразитами, копошащимися в ее внутренностях. В последние годы крепко взялись – даже губернаторов сажают! Дойдет очередь и до других тварей, сосущих кровь из здорового тела государства. По крайней мере, Николай на это надеялся.

Не знал он другое – что на самом деле случилось с Валентиной и кто в этом виноват. Но надеялся, очень надеялся все это вскорости узнать.

Коллекторское агентство располагалось прямо у входа, дверь – не доходя до турникета со стоящими возле него и сидящими в будочке одетыми по западному образцу охранниками.

За турникетом – банк, и вход туда только по пропускам, удостоверениям или в сопровождении сотрудников банка – так было сказано на плакатике у внутреннего телефона.

Система знакомая, Зимин много лет попадал к своему кабинету именно так. Впрочем, в этом кабинете он бывал не так уж и часто – рапорт написать, отчет соорудить. Боевой офицер не засиживается по кабинетам. По крайней мере, пока он в состоянии работать «на земле».

Золотая табличка на двери, за дверью – длинный зал, в котором сидит человек двадцать, не меньше. Отгорожены друг от друга прозрачными пластиковыми перегородками, из-за которых доносится еле слышное бормотание. Зал гудит от голосов – работа бьет ключом. Должников – море, работы тоже – море. Возле каждого из обитателей пластиковых ячеек лежат по три-четыре телефонные трубки, плюс на столе аппарат дозвона, автоматически отправляющий запись голоса должнику. Система налажена и работает без сбоев. Конвейер!

Навстречу Николаю вышел крепкий парень одного с ним роста – где-то около ста восьмидесяти пяти сантиметров, – взгляделся в незнакомца, спокойно, но настороженно спросил:

– К кому?

Николай осмотрелся, окинул взглядом говорящего. Напарник охранника сидел за перегородкой, преграждающей путь входящему. Судя по всему, перегородка была пуленепробиваемой – толстое стекло, барьер из металла, покрашенного под дерево. На первом охраннике, на поясе – пистолет в кобуре, резиновая дубинка, шокер и баллончик с перцовым газом. Вооружен вполне добротно, да и сам – крепок, то ли бывший спортсмен, то ли просто протеиновый качок.

Второй охранник отложил журнал, внимательно следит за происходящим у входа, непроизвольно щуря глаза, будто ждет каких-то неприятностей. Оно и понятно – если занимаешься рэкетом, жди, что к тебе заявятся разъяренные клиенты или их родственники, доведенные до отчаяния круглосуточным прессингом негодяев. А тут является некий мужик, с лицом, на котором можно орехи колоть, смотрит волчьими глазами, будто выбирает жертву, – и чего следует от него ждать? Ясно, что ничего хорошего!

– Мне назначили встречу на семнадцать ноль-ноль, – тяжело, бесстрастно сказал Николай, не глядя в глаза охраннику. – Моя фамилия Зимин. Сестра, Валентина, задолжала, так я пришел расплатиться. Кто тут старший? Я буду говорить только со старшим.

– Оружие есть? – нелюбезно спросил охранник, потянувшись за металлоискателем. – Все металлическое на стол! Потом заберете.

Николай едва не поморщился – нужно было предположить, что так будет. Не надо было брать с собой финку – теперь насторожатся!

И точно – увидев нож, охранник слегка расширил глаза, посерьезнел еще больше и, кроме поиска металлоискателем, ощупал Николая сверху донизу. Осмотр его явно разочаровал – может, он надеялся найти что-то посерьезнее? Ничего не сказав, махнул рукой и повел Зимина в глубь зала.

Никто не обращал внимания на посетителя – не он первый, не он последний. Мало ли должников приходят на «разбор»? Колл-центр гудел, как гнездо лесных пчел, и так же, как пчелы, каждый из этих парней и девушек собирал свой мед в копилку «улья». И судя по всему – успешно собирал.

Охранник остановился возле двери, на которой не было никакой таблички, кивком указал Николаю на кожаный диван, стоявший под небольшим эстампом, висящим на стене, и, не обращая внимания на смиренного, не вызывающего опасений посетителя, исчез за массивной темной дверью. Появился он через минуту, выглянул из двери, снова молча поманил рукой, как собачку, ожидающую хозяина. Николая это не задело. Его сейчас вообще ничего не задевало. Он вошел в состояние «бой», когда все подчинено одному – выполнить задание и выжить.

За дверью был еще один зал – поменьше, со столами, расставленными вдоль стен и в центре комнаты. Стояли компьютеры, за ними – молодые и не очень – крепкие мужчины, по виду которых можно было легко определить, что они вряд ли разбираются в литературе, искусстве, музыке (если это только не лагерный шансон), но хорошо знают, как пользоваться ножом, бейсбольной битой и бутылкой с зажигательной смесью.

Боевиков было человек десять – двое или трое мельком посмотрели на Зимина, остальные продолжили заниматься тем, чем и занимались до его прихода, – лазили в Сети,

пили чай, смеялись, дремали на кожаном диване, закинув ноги на круглый пуфик. Обычные ребята – если забыть о том, чем они занимаются. Вышибалы долгов, безжалостные, наглые – но для кого-то свои, родные, любимые. Здесь жизнь одна, дома жизнь другая – и они редко смешиваются друг с другом. Как и у Николая, например. Те, кого он лишил жизни, тоже вряд ли назвали бы его хорошим парнем.

Он тут же одернул себя – это совсем другое дело! Воевать за Родину – это одно, а мучить, пытаться людей, чтобы выбить из них поганые бумажки, – совсем другое! И не надо ныть о том, что «сами виноваты, не надо было долгов делать». Кредитная система в России давным-давно превратилась в рэкет, когда должника опутывают договорами, заставляя выплачивать невероятные, по мировым меркам, проценты! Нигде в мире нет таких процентов, как в России! Только у мафии, у бандитов. И кто тогда работает в банках, как не грабители и их пособники?

– Сюда давай! Да чего ты нога за ногу тащишься?! Как в штаны наложил! – вдруг рявкнул сопровождающий, возможно, для того, чтобы на людях, при этих крутых парнях показать, как он сам крут. В комнате кто-то грубо хихикнул и прокомментировал:

– Руслан, да он небось на самом деле в штаны наложил! Пусть придерживает штанины, чтобы говно не вывалилось! А то я чай пью как раз, противно!

Все захохотали, и охранник, довольно ухмыльнувшись, толкнул дверь с табличкой «Директор агентства «Аргус». Прохоренко В. С.».

Прохоренко В. С. сидел за столом, вольготно развалившись, глядя в экран телевизора, висевшего на стене. Транслировали футбольный матч, и он живо переживал, возмущенно хлопая ладонью по столу и досадливо покрикивая, когда футболисты делали то, что он считал глупым и бездельным. На Николая и его спутника он не обратил ровно никакого внимания, и Зимину показалось, что это слишком уж нарочито. Знает ведь, что к нему сейчас идет должник для беседы о погашении долга, значит – хочет поставить на место. Значит – хочет указать, у какой параша место этого лоха. Это нормально. Поставить противника в неудобное положение, сбить с толку, оказать психологическое давление – обычные действия в условиях боестолкновения.

Охранник уселся на диванчик позади Николая, видимо ожидая, что тот останется стоять, как нашкодивший мальчишка, но Зимин спокойно подошел к стулу, стоявшему чуть поодаль, у шкафа с папками, и сел, заложив ногу за ногу, расположившись прямо перед столом Прохоренко, продолжавшего изображать неподдельный интерес к совершенно неинтересному матчу. Играли турки с кем-то там. Неудачный выбор.

– И кто тут у нас? – преувеличенно добродушно спросил Прохоренко, обращая монаршее внимание на посетителя. – Что, должок сестры принес? А где большая сумка? Где деньги? Или ты пришел мне на мозги капать?

– Шеф, он с ножом пришел! – подал голос охранник. – Прикинь, фонарь такой, козырный! По ходу, почикать нас хотел!

– Почти-и-икать?! – Прохоренко укоризненно покачал головой и сделался серьезным. – Нехорошо-то как! Неправильно это! Ну что молчишь, придурок? Когда должок отдавать будете?!

– Я бы хотел увидеть документы, – бесстрастно ответил Николай. – Кредитный договор, договор переуступки прав, хотел бы понять, откуда взялась такая сумма. А потом уже поговорим о возврате долга.

– Договор? – не удивился Прохоренко. – Есть договор. Только показывать тебе мы не

обязаны. Ты кто такой вообще, чтобы перед тобой документы раскладывать? Пусть сестра приходит и смотрит договор. Или лучше на свой посмотрит и тогда поймет, откуда взялась такая сумма. Ты ведь сказал, что придешь оплатить долг. И где деньги? Где, спрашиваю, деньги? За свои слова надо отвечать! Руся, обыщи его – пошарь по карманам, может, он там деньги спрятал. В баксах. Или евро. Ну и документики посмотрим, раз пришел.

Зимин посмотрел в широкое лицо Прохоренко – мужик как мужик, губастый, толстощекий, плечистый. Бывший спортсмен? Похоже, что из ментов – никаких наколок на руках, речь правильная, но с налетом уголовного флера. Но как говорится – с кем поведешься...

Через минуту на столе Прохоренко лежал военный билет, и он внимательно читал то, что в нем написано. В военнике, само собой, не отражалась воинская специальность, только звание, номер части, ну и следы карьеры, если можно ее так назвать.

– Майор? – Прохоренко внимательно посмотрел в лицо Зимина, прищурился. – Поучаствовал, да? А что же такой смирный, как овца? Я уж думал, придется тебя утихомиривать, а ты вон как, на все согласен! Так что же с деньгами? Раз ты пришел – у тебя есть какое-то предложение, так? Выкладывай, обсудим.

– Я хочу знать, кто убил Валентину, – бесстрастно сказал Зимин и, протянув руку, быстрым, неуловимым движением выхватил военный билет из рук опешившего Прохоренко. – Это сделали твои люди? Ты прикидываешься, что не знаешь о ее смерти? Или на самом деле не знаешь, что она умерла?

– Умерла? Так это все-таки правда? – неподдельно удивился Прохоренко, и лицо его страдальчески скривилось. – Вот же черт! И чего он творит...

Прохоренко спохватился, кинул быстрый взгляд на Зимина, будто проверяя, заметил тот или нет, убедился, что майор не отреагировал, и продолжил, задумчиво покусывая нижнюю губу:

– Ну что же... умерла – так умерла. Есть наследники. Дочь, например. Есть квартира. Салоны красоты. Магазины. В любом случае мы свое возьмем. Так что советую не ерепениться и отдать то, что нам причитается.

– Нет ничего. Перед смертью она все продала. И денег нет, – негромко ответил Зимин, боковым зрением следя за охранником, молча сидевшим на диване. – Я хочу знать, кто все это затеял. Кому понадобился бизнес моей сестры.

– Да мало ли что ты хочешь знать! – раздраженно буркнул Прохоренко, постукивая пальцами левой руки по столешнице стола красного дерева. – Испортил ты мне настроение! Вся работа прахом! Так, вот что – ты пришел ведь расплачиваться? Так давай, расплачивайся! Чего языком трепал, время мое тратил?! Ну?! С карты переведешь? Бумагу подпишешь на всю сумму ее долга?

Зимин встал. Охранник тоже – сделав шаг вперед, за спину майора. Прохоренко с любопытством окинул взглядом Зимина с головы до ног, будто чего-то ожидая. Чего? Это Николай узнал через секунду.

Охранник уцепил Зимина за плечо могучей ручищей, рывком его развернул и нанес удар в солнечное сплетение – коротко, профессионально, отработанно. Вернее – попытался нанести, потому что в последний миг майор успел развернуться вполоборота, и кулак только скользнул по твердому, как доска, животу спецназовца. Ответный – короткий, быстрый тычок в горло заставил охранника захрипеть и упасть на колени. Шаг – голова в захвате, шея на сгибе локтя. Быстрое движение – треск! Охранник мешком свалился на пол так, будто из

него вынули кости. Все. Рубикон перейден. Теперь дороги назад нет.

– Не будешь ты ничего брать с наследников, – мягко, почти с улыбкой сказал Зимин, шагнул вперед и вынул из руки Прохоренко пистолет, затвор которого тот судорожно пытался передернуть. – А патрон надо держать в стволе. Иначе не успеешь. Вот как сейчас!

Прохоренко тяжело задышал, баюкая руку с вывернутыми, искривленными пальцами, покраснел и с ненавистью уставился на майора:

– Ты ведь отсюда не уйдешь! Дверь заблокирована, все происходящее пишется на камеру, сейчас сюда войдут парни и переломают тебе все кости! На законных основаниях! На что ты надеешься?!

Зимин отщелкнул магазин пистолета, посмотрел на тупые кончики пуль, снова вогнал в рукоять. Отодвинул затвор, убедился – патрон в патроннике. И тогда перегнулся через стол, быстро, жестко ударил Прохоренко в висок кулаком с зажатым в нем «макаровым», после чего директор коллেকторского агентства закатил глаза и сполз по спинке кресла.

Майор шагнул к двери и встал сбоку, приготовив руку на уровне груди.

«Гости» не заставили себя ждать. Первым влетел второй охранник, держа в одной руке дубинку, в другой – готовый к работе шокер. Мордоворот тут же свалился на пол с разбитой в кровь, вогнутой в череп переносицей. Он умер мгновенно – кости черепа, раздробленные страшным ударом, вошли ему в мозг.

За ним показался тот самый парень, который пил чай во время прохода Зимина по кабинету. Этот, видать, насмотрелся голливудских боевиков и, держа оружие двумя руками, как-то глупо, по-крабьи вполз в кабинет в полуприседе, изображая из себя то ли Сталлоне, то ли Крутого Уокера. Пистолет вылетел у него из рук, будто выброшенный пружиной, затем лег и его хозяин, с проломленным рукоятью пистолета виском. Несколько секунд он дергался на полу, хрипя, суча ногами, но Зимин на это уже не смотрел – он рывком выбросил свое тренированное тело за порог, туда, где сустились, вооружаясь, несколько коллекторов.

И началась бойня!

Никаких красотостей, никаких кунг-фу и карате, задиранья ноги выше головы и бросков через бедро – жестокие, короткие удары, мгновенно убивающие, выключающие сознание. Каждый из ударов и захватов дробил, ломал, выворачивал суставы – противник должен быть мгновенно нейтрализован, гарантированно, чтобы не смог больше участвовать в поединке. И лучше – ни в каких поединках вообще. Никогда.

Через минуту здоровые, крепкие, злые парни, привыкшие калечить людей, сами превратились в беспомощных калек, и возможно – навсегда. Возможно – потому что Зимин не собирался оставлять за спиной пусть раненого, но живого врага. Хороший враг – мертвый враг.

Он подобрал с пола пистолет, который отобрал у Прохоренко (пистолет мешал ему в схватке, а шум поднимать пока не хотелось), сунул в карман жилета, поднял и еще один – такой же потертый, выдавший виды «макаров», – проверил магазин, удостоверился, что это не травматика, а настоящий боевой пистолет, загнал патрон в патронник. Сунул «макаров» за пояс джинсов сзади. Проверил дверь – она и правда была закрыта. Щелкнул замком, вышел в колл-центр.

Здесь все было по-прежнему. Парни и девушки, увлеченные запугиванием должников, даже не заметили того, что оба охранника исчезли, что посетитель ходит по залу один, без сопровождения. Только одна, дебелая блондинка лет тридцати с туманным взглядом под наведенными краской бровями, проводила его недоуменным взглядом и снова окунулась в

работу, выбросив из головы лишние мысли. Что бы там ни происходило – это не ее дело. У нее – своя работа, у охраны – своя, у оперативников-коллекторов – другая. Она деньги получает не за то, чтобы разглядывать каких-то уродов, приходящих сюда каждый день буквально стадами. Бараны!

Зимин заглянул в ящик, где лежала его финка, сунул ее в карман. Затем взял связку ключей и запер выходную дверь. Она была стальной, тяжелой, сейфовой, способной выдержать удары пуль легкого стрелкового оружия. Заперев, сунул ключи в карман и вернулся в комнату к оперативникам.

Двое из них уже очнулись и негромко стонали, держась руками за ушибленные места. Зимин подошел к первому, достал из кармана и из ножен финку, перехватил ее поудобнее и воткнул в глаз раненому. Второму – несколько раз быстро и точно вонзил нож в сердце.

Та же участь постигла и остальных – Зимин методично обошел каждого из коллекторов и вонзил в них выпачканную кровью финку, стараясь действовать наверняка.

Напоследок воткнул нож и в мертвых охранников – мало ли, вдруг они только кажутся мертвыми. Получить по башке в самый ответственный момент, сорвать операцию – это не для диверсанта.

Запер дверь оперативного отдела, отрезав его от внешнего мира, и сосредоточился на главном – пора было допрашивать пленного. Задача нелегкая – Зимин не любил пытаться «языков», но что поделаться, если по-другому их не разговорить? Диверсантов учат, как вести допрос третьей степени, они прекрасно знают, где у человека болевые точки – на теле и в душе.

С трудом разлепил глаза, веки налились тяжестью, будто на них привесили гири. На стуле напротив сидел мрачный мужчина лет сорока, с худым, жестким, будто топором вырубленным лицом. Глубоко запавшие в глазницы на загорелом дочерна лице темные глаза смотрели исподлобья, будто хотели взглядом проникнуть прямо в мозг.

Прохоренко дернулся, застонал – кисти рук как током прошибло. Больно! Еще раз дернулся и осознал, что руки связаны сзади, ноги тоже привязаны – к ножкам стула. Наклонил голову, чтобы посмотреть вниз, с ужасом обнаружил, что обнажен по пояс. Гениталии, сморщившиеся, посиневшие, свободно лежат на полированном сиденье. Но самое главное – человек, сидящий перед ним, держит в руках нож!

И тогда он все вспомнил. Все, до мельчайших подробностей! Убийство охранника, этот мерзкий хруст ломающихся позвонков. А еще – приближающийся к виску кулак с зажатым в нем пистолетом. Его пистолетом, Прохоренко!

Повертел головой, осматриваясь, снова дернулся, застонал от боли и от страха – на полу возле двери лежали мертвые оперативники, и под ними расплывалась темная, похожая на вишневый сироп лужа.

– Что?! Что ты наделал?! – едва справляясь с нервным тиком. – Что ты хочешь сделать?!

– Я собираюсь узнать, кто убил мою сестру, – безмятежно, почти ласково ответил мужчина и покрутил в пальцах серебристый клинок. – Сейчас ты мне все расскажешь. Не люблю пытаться, но ты отказался рассказать все сразу, а потому я вынужден применить силу. Итак, кто убил сестру?

– Да не знаю я! – соврал Прохоренко, который догадывался, кто это сделал. Впрочем, вопрос был задан не очень корректно. Прохоренко не знал, кто именно ее убивал, был исполнителем, но кто мог отдать этот приказ – догадывался. Вот только был удивлен, что его не известили об акции. На кой черт тогда ему, Прохоренко, отдавать приказ терзать должницу, если она умерла?! Глупо же, в самом-то деле!

Впрочем, возможно, в этом был смысл. Если кто-то попытается связать смерть должницы с коллекторами – тут же обломится. Если бы коллекторы убили, так зачем тогда продолжают названивать по телефону, требовать возврата долгов? Логично. Дымовая завеса. Грамотно!

Эта мысль успела промелькнуть перед тем, как человек с ножом наклонился и воткнул клинок Прохоренко прямо под ключицу – неглубоко, на пару сантиметров, и принялся аккуратно ковырять, будто хотел проделать широкое отверстие.

– А-а-а-а! А-а-а-а! – Прохоренко завопил изо всей силы, надеясь, что его услышат охранники, стоящие у турникета банка, при всем при том осознавая, что никто его не услышит, даже те, кто находится в соседней комнате. Он сам потребовал сделать комнату звуконепроницаемой – так, на всякий случай. Мало ли что тут может происходить. Да и приятнее сидеть в тишине, чтобы не слышать бормотания сотрудников и шум с улицы.

– Итак, повторяю свой вопрос – кто убил мою сестру? – бесстрастно повторил мужчина и кончиком ножа приподнял член Прохоренко, тяжело дышащего, побелевшего от ужаса. – Сейчас я отрежу тебе член. Не весь, наполовину. Перетяну его, чтобы ты не истек кровью. Потом отрежу мошонку. Тоже перетяну. Потом начну резать на куски, отрезая каждый раз кусочек одного из не очень важных органов, чтобы ты жил как можно дольше. До тех пор,

пока не расскажешь мне все.

Что у мужчины самое важное? Что он боится потерять больше всего? Как заставить человека испытать ужас, заставить поколебаться самого стойкого, упорного? Нужно раздеть его. Любой, будучи раздетым догола, испытывает дискомфорт, чувствует себя незащищенным. И это довольно глупо и даже смешно – будто одежда, надетая на человека, укроет его от грядущих неприятностей.

А если к этому добавить угрозу мужскому достоинству, если пригрозить отрезать гениталии – мужчину охватывает непередаваемый ужас, будто этот мужской орган важнее всего на свете. Важнее руки, ноги, носа.

Зимин знал все это из курса, преподанного во время обучения, и пользовался приобретенным умением не раз и не два. Самые стойкие ваххабиты, смеющиеся в лицо «русским свиньям», текли, как воск, когда угроза их гениталиям приобретала реальные очертания. Они выли, просили убить их ЦЕЛИКОМ и рассказывали все, что требовалось от них услышать. Так что Прохоренко не был исключением – с его лужей мочи, натекающей под стул, с позывами к рвоте, с трясущимися губами, глазами, расширенными так, будто сейчас выскочат из орбит.

– Будешь говорить?! – тихо, фиксируя взглядом допрашиваемого, спросил майор и чуть нажал острием финки на основание члена Прохоренко. Выступила капля крови, Прохоренко отшатнулся, насколько мог, и, захлебываясь, брызгая слюной с остатками рвоты, быстро заговорил:

– Я не знаю точно! Могу только предположить! Кто убивал – я не знаю! Это не мои! Мы должны были кошмарить, деньги выжимать! Больше ничего! Нам невыгодно, чтобы она умерла! Это заместитель председателя акционерного общества отдал приказ! Головченко! Это он! Не знаю, что там вышло, но он дал договор, и по нему мы ее и кошмарили! Ничего больше не знаю, клянусь!

– Ты же ментом был, так? – безразлично спросил мужчина. – Как тут оказался?

– Ментом, да! Я в ОБЭПе работал! Уволили – подкапывались под меня, взятку пришили! А Головченко меня отмазал, потом к себе взял! Это его агентство! На самом деле он всем тут рулит, а не председатель! Головченко!

– Где найти этого Головченко?

– Здесь, в банке, на третьем этаже!

– Как к нему попасть?

– Никак! Заранее записываться, иначе не пустят!

– И тебя не пустят?

– И меня!

– А если подумать?

– А-а-а-а! Не надо! Не надо! Меня пустят, если я смогу его убедить, что очень нужно!

– Хорошо. А как думаешь, кто убивал мою сестру? Кто это организовал? Кто-то ведь занимается акциями, не сам же он ее вешал.

– Начальник охраны его, он из бывших спецов! Говорят – в ГРУ служил, а потом уволился и перешел к Головченко! Никто ничего про него не знает, но это точно он! Самойлин! Василий Самойлин! Бывший гэрэушник!

Николай оледенел. Неужели... он?! Васька?! Василий Самойлин, командир, место которого в группе он, Николай, и занял?! О господи... чудны дела твои, господи... зачем?! Зачем ты это делаешь?!

– Ты проведешь меня к Головченко.

– Они меня потом убьют!

– Не проведешь – тебя убью я. Сейчас. А может, и не убью. Я порежу тебя на части – отрежу нос, уши, член, отрежу руки и ноги и оставлю лежать бревном, и ты будешь жалеть, что я тебя не убил. Хочешь?

– Я проведу! Я проведу! Только гарантируй, что я останусь в живых!

– Конечно, гарантирую, – легко соврал Зимин. – Если все сделаешь, будешь жить. Главное – делай все, что тебе скажу. Понял?

– Понял, понял!

– Раз понял, надевай штаны, приводи себя в порядок. Если кто-то догадается, что я держу тебя под прицелом, – первая пуля твоя. Мне уже терять нечего. Вытрись, умойся, и... без шуток. Завалю прежде, чем ты икнуть успеешь.

Зимин перерезал удерживающие Прохоренко путы, сделанные им из скотча, заранее приготовленного рачительным хозяином кабинета, и коллектор с облегчением растер онемевшие руки. Потом поморщился, потрогал рану на ключице, потер подсохшую струйку крови, спустившуюся до самого пупка, и потрусил к комнате отдыха, где был душ и раковина со смесителем. Майор пошел следом и, стоя в дверях, наблюдал за тем, как бывший мент, морщась, вскрикивая, оmyвает рану, смывает кровь и охлаждает в струе ледяной воды опухшую кисть руки.

– Пальцы, наверное, сломал! – страдальчески воскликнул Прохоренко, но Зимин ничего не ответил, глядя куда-то в пространство остановившимся ледяным взглядом. Прохоренко закрыл кран, потянулся к шкафчику, за дверцей которого у него лежал заряженный пистолет, но не решился его достать. Правая рука не работала, а левой нужно было еще передернуть затвор. Правильно сказал майор – нужно держать патрон в патроннике, а не заниматься ерундой! Идиот! Если бы пистолет был как следует заряжен, этот вояка давно валялся бы на полу с простреленной башкой!

Прохоренко надел штаны, новую чистую рубаху, предварительно залепив рану пластырем, и через несколько минут уже стоял перед своим столом, набирая номер внутреннего телефона.

– Михаил Федорыч, здравствуйте! Можно к вам подняться? Вопросец есть! Просто великолепный вопрос! Срочно! Со мной спутник, один. Да, один. Зимин его фамилия. Хочет предложить великолепную инвестицию в бизнес! Наверняка, ага! Все, идем, скоро будем!

– Пусть начальника охраны пригласит, – тихо предложил Зимин.

– И Самойлину стоит послушать – тут кое-какие вопросы по безопасности. Хорошо, через пятнадцать минут.

Прохоренко положил трубку, перевел дух и почти весело посмотрел на Зимина:

– Все, договорились! Сейчас поднимемся наверх, и... ты меня отпустишь, да?

– Отпущу, – согласился майор и спокойно, с прищуром, спросил: – Что, сука, предупредил, да?

Он коротко, без размаха ударил Прохоренко в печень, и тот осел, хватая воздух широко разинутым ртом.

– Какой код, тварь?! Каким кодом ты предупредил его?! «Просто великолепно», да?

– «Просто великолепно». Тебя там ждет засада. – Прохоренко согласно кивнул и задрал голову вверх, умоляюще глядя на мучителя. – Ну ты же понимаешь! Я не мог иначе!

– Где кабинет Головченко? Что будет делать после предупреждения? – Николай навис

над Прохоренко, коснувшись его брови острием финки. – Эвакуируется? Спустится к машине?

– Зачем? Никто не сможет его взять! Сейчас Самойлин нагонит своих отморожков полон кабинет. Головченко спрячется в комнате отдыха – она бронирована, а когда тебя возьмут – появится оттуда и будет смотреть, как тебя режут. Не ты первый, не ты последний! Он любит посмотреть, да и поучаствовать!

– Пошли. – Николай дернул Прохоренко за шиворот, и тот взлетел, будто был сделан из картона. – Выходим.

Они вышли, и Прохоренко вскрикнул, увидел, что случилось с оперативниками. Он снова побелел, как тогда, когда Зимин обещал отрезать ему гениталии.

Прохоренко был негодяем, но не дураком и прекрасно понимал, что человек, сотворивший такое, не оставит его в живых. И при всем при этом все-таки надеялся на чудо, например, на то, что в кабинете Головченко Самойлин, зверюга почище этого парня, размажет майора по ковру тонким слоем дерьма. И тогда Прохоренко будет жить! Ведь не сам же он привел Зимина в кабинет! Притом предупредил начальство об опасности! Сделал все, как полагается! Ведь зачтут же! Зачтут?

Зимин подобрал с пола еще один пистолет, взял из рук мертвого коллектора короткоствольный помповый дробовик. Проверил наличие патронов. По карманам коллекторов нашлись еще четыре магазина к «макарову» и с десятка два патронов с картечью для помповика. Рассовал все по своим карманам, не выпуская Прохоренко из виду, взял дробовик наперевес и бросил пленнику связку ключей:

– Открывай!

За дверью стояли пятеро встревоженных парней из числа работников колл-центра и девушка – беловолосая, пухлая. Они встретили Прохоренко удивленными взглядами, ошеломленно поглядывая то на него, то на человека с дробовиком в руках, а когда раздался первый выстрел и упал один из парней – забрызгав кровью коллег, – закричали, завизжали, бросились бежать под укрытие прозрачных пластиковых стен.

Зимин толкнул стволом онемевшего Прохоренко, и тот прошел к центру зала, шагая, как на расстрел. Но его в этот раз не расстреляли.

Зимин шел, ловя стволом фигуры мечущихся людей, и каждый выстрел его был в цель. По-другому быть и не могло. Заряд картечи гарантированно настигает незащищенное тело человека десятком свинцовых шариков, каждый из которых сам по себе – пуля. Не нужно особо и целиться. Не нужно задумываться – куда попадет. Все равно попадет. Все равно ранит или убьет. Направил дробовик в сторону визжащего, мечущегося комка страха, нажал на спуск – готово! Как в игре. Как в кино. Но только – жизнь.

Если не убил сразу – всегда можно довершить начатое. Закон – не оставляй за спиной раненого противника!

– А-а-а-а! – Миловидная девушка в короткой юбке вскинула руки, будто они могли закрыть ее от свинцового дождя. Мелькнула мысль – может, она и звонила Валюхе? Угрожала, обещала, что Нюську будут насиловать?

Выстрел! Оглушительный в замкнутом помещении, хлесткий. Запах сторовшего пороха и крови. Руку девчонки срезало, как ножом. Вместо лица – кровавая каша.

Парень бросился вперед, замахиваясь стулом. Не добежал, развороченная грудь не способствует бегу. Задержался на полу, хрипя и булькая.

Беловолосая пухлая девица беспрерывно визжит, как свинья, которую тащат на забой.

Выстрел прервал визг, и теперь слышен только клекот, свист выходящего из разорванной шеи воздуха.

Зимин шел и методично расстреливал всех, кто был в комнате. Холодный, смертоносный, как Терминатор.

Да он и не был сейчас человеком. Бездумная машина убийства, никаких человеческих чувств. Не было их, чувств. Перед ним – мишени. Враги, которых нужно уничтожить, враги, которые превращают в ад жизнь мирных людей. Бородачи, которых нужно убить, чтобы они не убивали мирных людей.

Да, он сошел с ума. Почти так же, как сходят обычные люди, – потихоньку, годами, незаметно превращаясь из нормального человека в существо, рядом с которым трудно, практически невозможно жить. В существо, которое во всех окружающих видит врагов, подозревает всех от мала до велика в том, что они строят козни и желают ему смерти. Так, да не так.

Зимин сошел с ума тоже не сразу, годы стресса, контузия, смерть сестры – все это объединилось вместе, и то, что он сейчас делал, казалось ему правильным и единственно возможным. Если бы после смерти Валентины прошло какое-то время, достаточное, чтобы он привык к мысли о ее гибели, если бы он только что не вернулся оттуда, откуда вернулся и где жизнь не стоит и ломаного гроша, – возможно, все было бы по-другому. Но случилось так, как случилось. И теперь изменить ничего уже нельзя.

Он добивал раненых ножом, глядя в тускнеющие глаза жертвы и не испытывая ни малейшей жалости.

Когда резал горло очередной девушке – в ушах звучал голос той, кто звонил ночью, обещая отправить Нюську в турецкий бордель.

Когда убивал парней – не испытывал ничего, кроме удовлетворения хорошо сделанной работой, стараясь лишь не забрызгаться кровью. Впереди – самое главное, нужно пройти через турникет и не вызвать подозрения у охранников. Если это возможно, конечно. Если их не сочли нужным предупредить.

Когда Зимин закончил свое страшное дело, комната была залита кровью и усыпана телами мертвецов. В живых в ней остались только Зимин, Прохоренко, в полуобморочном состоянии подпиравший стену, да два десятка автоматических дозвончиков, все посылающих и посылающих свои ролики с угрозами на телефоны злостных неплательщиков, несчастных должников банка «Сельхозинвест».

Зимин бросил на пол опустошенный дробовик, не заботясь о том, чтобы стереть с него отпечатки пальцев. Зачем стирать, когда все и так ясно? Кто убил, зачем убил... Весь след стереть невозможно. Теперь – одним трупом больше, одним меньше – никакого значения не имеет. Теперь он – маньяк-убийца, которого попытается уничтожить каждый полицейский, попавшийся навстречу.

Зимин вдруг осознал, что по большому счету и не надеялся уйти после совершения акции. Все эти осмотры территории вокруг здания банка, размышления о том, как ему следует скрываться от правосудия, – лишь фикция. Обман самого себя. Подсознание прекрасно знало, что это дорога в один конец. Не зря ведь он оставил Нюське свою карту, сообщил ее пин-код, не зря написал завещание и оставил свои ключи от квартиры, захлопнув дверь, будто отрезая себя от прошлой жизни.

Зимин знал – назад он не вернется. И знал, что происходящее ненормально. Но ему было наплевать.

Когда у человека выдерживают из-под ног опору, он падает, если только не уцепится за что-то вокруг себя. Зимину цепляться было не за что. Его опорой были сестра и Нюська – часть его семьи, единственный близкий ему человек. И защитить он мог Нюську только так. По крайней мере – ему так казалось.

– Где находится договор моей сестры с банком? – спросил он так же спокойно, как и убивал.

– У...у...у Головченко! – выдавил из себя Прохоренко и судорожно вытер лоб. – У меня только копия. Не заверенная. Все у Головченко.

– Тогда води меня к Головченко, – предложил Зимин, достал из кармана жилетки пистолет, клацнул затвором, снова сунул «макаров» в карман. – Учти, я стреляю без промаха, из любого положения. Если что – первая пуля твоя.

Зимин достал из кармана связку ключей, отпер дверь, придержал ее, проскользнул в образовавшуюся щель. За ним вышел Прохоренко, еще бледный, но уже вполне приемлемый на вид. Мало ли, почему человек бледнеет – может, с похмелья, а может, его понос прошиб – какое кому дело? Вид – приемлемый для использования в виде ключа-отмычки, в виде пропуска. Сойдет!

– Нам назначено! – Женщина, бедно, серо одетая, стояла возле двери, сжимая в руке сумочку, достойную помойки, и смотрела на вышедших из двери Зимина и Прохоренко. – Мы можем войти?

Рядом с ней мужчина в очках с дичайшими, толстенными стеклами в немодной оправе, седой, изможденный. На лице застыла вечная гримаса боли и страдания, будто изнутри его съедала какая-то болезнь. А может, и съедала. Оба смотрели на Зимина и Прохоренко с испугом, будто ожидали, что их сейчас ударят.

– Нет, – мягко сказал Зимин, с невольным сочувствием глядя на жалкую парочку. – Идите домой. Приема не будет. Сегодня.

– А как же?! Мы хотели расплатиться! Мы так устали! Нас мучают днем и ночью, вчера собачку убили! Зачем собаку-то убили! Она же ничего не сделала, ласковая была, добрая, а ей голову отрезали! Разве же можно так? Мы же не отказываемся платить, мы деньги собирали, мы же сказали – скоро отдадим! Мы на лечение мужу брали! Ну зачем же вы так поступаете?!

Женщина беззвучно заплакала, и Зимин окаменел лицом, не глядя на Прохоренко, которого ему очень хотелось удавить прямо тут, на месте.

– Идите домой, – повторил он. – Вам скажут, когда приходить. Идите!

Он слегка прикрикнул, женщина вздрогнула, отступила назад. Мужчина подхватил ее под локоть, и они пошли, поддерживая друг друга, согбенные, как два клена, избиваемые ледяным осенним дождем. Дверь за ними захлопнулась, и тогда Зимин повернулся к Прохоренко.

Коллектор слегка подался назад, будто увидел в лице майора что-то такое, что заставило его это сделать. Но тот ничего не сказал, кроме:

– Веди!

И они пошли. Мимо равнодушных охранников, мимо девиц с наглыми, сытыми физиономиями, пробежавших мимо с какими-то бумажками в руках. Перед тем как уйти, Зимин тщательно запер дверь, стараясь, чтобы этого не увидели охранники. Теперь, пока он не сделает то, что должен, – никто не узнает, что случилось в помещении коллекторского агентства. Если только у отсутствующих на месте других коллекторов (вряд ли он уложил

всех тварей, ведь кто-то из них должен быть выходной?) нет своих ключей от двери. Но это вряд ли. Скорее всего они имеются лишь у охраны.

На третьем этаже тихо. Нет посетителей, нет проносящихся, как страусы по прериям, девиц в обтягивающих худые и толстые зады черных юбках. Только ковры, мягкий свет светильников, картинки-эстампы, цветы в глиняных, авторского дизайна горшках, полированное дерево и... здоровенные мордovorоты в черных костюмах, со свисающими из ушей белыми витыми проводками.

Охрана. Тренированные, умелые бойцы. В руках – пистолеты «глок». Не очень хорошее оружие, есть и получше, но почему-то считается, что охрана богатых людей должна ходить именно с «глоками» – престижно! На их месте Зимин предпочел бы носить «стечкин» – достойный пистолет, может бить и очередями. Или «хай-пауэр» – тоже достойная, надежная чешская машинка. Но вообще – лучше всего «ПСС 7.62». Привычный, к тому же пробивает навывлет бронежилет 2-го класса защиты. Зимин с таким и работал. Маленький, легко можно скрыть под одеждой, а то, что у него всего шесть патронов, – так надо стрелять точнее, а не высовывать пистолет из-за укрытия, паля в небесный свод, как показывают в голливудских фильмах.

– Поднять руки! Не делать резких движений! – Голос охранника был спокоен, даже доброжелателен, но видно – одно неосторожное движение, и он разрядит пистолет в Зимина, и что характерно – попадет. По нему видно, что попадет. Никаких голливудских трюков – просто выстрелит в переносицу, и каюк!

Зимин подчинился, медленно поднял руки, затем по команде охранника повернулся к стене и положил на нее руки. Сзади возникли еще двое парней, как близнецы, похожие на первых, такие же статные, такие же бритые головы, внимательный ошупывающий взгляд, черные костюмы с белой рубашкой и галстуками. Профи. «Девятка» или что-то подобное. Лица не криминальные – обычные «бритые затылки» средней степени развития.

Один подошел на расстояние шага, извлек из внутреннего кармана металлоискатель и быстро провел по бокам Зимина. Само собой – прибор заверещал, почуяв пистолеты, финку и запасные обоймы. Тогда телохранитель принялся обшаривать уже вручную, извлекая из карманов весь зиминский арсенал. Этого Зимин и ожидал.

Резко повернувшись, он захватил охранника левой рукой, прикрываясь им как щитом, и когда пуля, предназначавшаяся ему, ударила в тело охранника, сделал два выстрела в сторону подходящих справа телохранителей. Обе пули попали в цель – одна вошла в переносицу, другая в лоб. Хорошие выстрелы, если учесть, что стрелял из незнакомого оружия, сжимая левой рукой горло охранника, и слева в него палил второй, оставшийся в живых член группы захвата.

Третий выстрел ушел в пустоту – охранник все время перемещался, «качая маятник», и тогда Зимин изо всей силы метнул в него тело обмякшего «щита». Все равно от него толку уже не было, а держать на весу мертвое тело было довольно тяжело – килограммов сто в парне, не меньше!

Стокилограммовый снаряд сбил противника с ритма. Он прыгнул в сторону, чтобы тут же нарваться на девятимиллиметровую пулю «макарова», не пробившую его бронежилет, но нанесшую такой мощный удар, что его можно сравнить с ударом кувалдой.

Два ребра треснули, как сухие ветки, и их хозяина отбросило назад, будто ему под дых врезали ногой.

Это только в плохом кино после попадания девятимиллиметровой пули герой

вскакивает и счастливо смеется. Если, конечно, у него не бронежилет четвертого класса защиты, больше похожий на космический скафандр. После попадания в тело пуля не пронзает кевларовый бронежилет. Но ведь куда-то она должна деть свою кинетическую энергию? И получается так – дырки в теле нет, а человек может быть мертвее мертвого. Убит.

Спрашивается, зачем тогда носить бронежилеты, которые не спасают от удара пуль? Спасают. Если пуля не в упор, если она идет вскользь или рикошетом, на излете, опять же лучше получить двухкилограммовой кувалдой под дых, чем пулей, которая пройдет через живот и переломит позвоночник, попутно развалив печень или желудок. После переломов ребер и ушибов внутренних органов выживают, а вот после таких разрушений...

Охранник не потерял сознания после удара в печень, но оказался на полу, возле стены, и полностью потерял ориентацию в пространстве после болевого шока – пуля пришлась как раз в область печени, вызвав шоковое состояние.

Зимину оставалось лишь поднять пистолет и всадить пулю прямо в макушку этому парню, сидевшему с остекленевшими глазами и судорожно втягивающему воздух широко раскрытым ртом. Брызнула кровь, разлетелись кусочки кости, мозга – пуля снесла часть черепа, как и положено тупоносой девятимиллиметровой пуле.

В ближнем бою «макаров», с его достаточно мощными патронами и крупным калибром был очень неплох. Вот если применять его с расстояния метров пятьдесят или сто – пукалка, из которой попасть довольно проблематично, практически невозможно, а с десяти-пятнадцати метров и тем паче с трех – отличная пушка, мощная, компактная, надежная.

Зимин выщелкнул магазин – там оставалось еще пять патронов. Он достал новый, полный, вставил на место потраченного. Теперь в пистолете девять патронов – один в стволе, восемь в магазине. Восемь пуль – восемь трупов. Так должно быть. Так учили.

«Глоки» брать не стал – не любил их. Достал из кармана еще один «макаров», проверил, взял в левую руку. Теперь готов.

Прохоренко лежал на полу, накрыв голову руками. Зимин ткнул его ногой, коллектор вздрогнул, и майор тихо спросил:

– Где кабинет Головченко? Вставай, покажешь.

Прохоренко быстро, как краб, зашевелил конечностями, потом встал на ноги и, пошатываясь, побрел вперед, остановившись через несколько секунд перед высокой дверью с золотой табличкой на уровне лба: «Головченко М. Ф.».

– Тут! Только это...

Он не успел договорить. Зимин схватил его за шиворот, одновременно рывком открыв дверь, и буквально вбросил внутрь приемной, отступив в сторону, прижавшись к стене.

Майор не ошибся. Тело Прохоренко было буквально разнесено автоматными очередями, вырвавшими из коллектора куски плоти и отбросившими его к стене.

Еще не успели стихнуть очереди, когда Зимин рыбкой нырнул в помещение, перекатываясь по полу и одновременно стреляя по разным целям с двух рук. Он на самом деле не промахивался – каждый выстрел находил свою жертву, и через несколько секунд все было кончено. Шесть человек, настоящие волкодавы, тренированные телохранители, валялись на полу, как тряпичные куклы, и сучили ногами, будто пытались удержать уходящую жизнь. Только один потребовал двух выстрелов – голову парня не было видно из-за стола секретарши, и пришлось перебить колено, чтобы телохранитель упал на пол и подставил свой лоб. На все про все ушло не больше шести секунд и семь патронов.

Зимин встал, автоматически сканируя свои ощущения – нет ли боли, которой не

почувствовал в горячке боя, все ли цело. Определил, что ранений нет, и, наклонившись, подобрал короткоствольный «калашников» с откидным прицелом. Привычно отщелкнул магазин, посмотрел внутрь, перевернул, воткнул другой, тот, что был приделан к этому прозрачным скотчем. Пусть в работе будет полный, другой магазин, полупустой – в запас.

Прошелся между покойниками и с автоматом на изготовку шагнул к двери, находящейся сбоку от стола секретарши. Ее, само собой, на месте не было.

Потянул дверь на себя, чтобы оказаться перед другой, внутренней дверью, и только собрался выбить ее ударом ноги и вбросить тело в кабинет, поливая очередями все, что шевелится, за дверью послышался до жути знакомый голос:

– Коля, входи! В тебя никто не будет стрелять! Не бойся, мы только поговорим!

Зимин не удивился. Чего-то подобного он и ожидал. Но верить «голосу» не собирался.

Рывок, перекат! Мгновенно оценил ситуацию, метнулся в угол, за инкрустированный серебром и костью стол. Замер, поводя стволом автомата, будто скорпион жалом.

Но в кабинете никого не было. Никого, кроме чем-то похожего на Зиминого человека в черном, как у владельца похоронного агентства, костюме.

Нет, они не были похожи, как два брата. Зимин – худощавый, гибкий, довольно высокий. Владелец голоса – пониже, помассивнее и... постарше. Вот только выражение глаз похожее – тяжелый взгляд глаз, которые видели многое, очень многое из того, что хочется забыть навсегда. Например – как взлетает на воздух джип с одним из террористов и, сгорая в огне, кричит ребенок, зажатый в искореженном салоне. Оказалось, он ехал с семьей. Или как тяжело умирает женщина, оказавшаяся на векторе выстрела и случайно прикрывшая «мишень» своей высокой грудью.

Не бывает акций без побочных потерь, что теперь поделаться... такова жизнь! Террористы, наркodelьцы, агенты влияния – все, кто мешает Родине жить, должны быть уничтожены.

Кто принимает решение убрать того или иного «клиента» – Зимин не знал. Не знал и Василий Самойлин, товарищ, командир, боевой соратник. Они просто делали свое дело – профессионально, умело.

Вот только отношение к происходящему у них было разное. Самойлин, человек спокойный и непошибаемый, как танк «Армата», ничуть не сомневался, что любая цель, которую им поставили, заслуживает любых средств. Если целью является молодая женщина, ничуть не похожая на бородача-террориста, – значит, так тому и быть. Значит – командование знает что-то, что неизвестно исполнителям акции. И все происходящее не только нормально, но и в ранге положенности. Делай, и пусть ответственность ляжет на тех, кто приказал.

Сделал дело – и уходи. Если только нечего прихватить в качестве «сувенира». Именно он научил Зиминого не гнушаться шарить по карманам и вещмешкам убитых противников с целью поиска чего-нибудь ценного (если это не мешает операции, конечно!). *«Это трофеи! Разве партизаны в Оте-чественной войне не брали трофеи? И к тому же нам так мало платят за опасную работу, что я давно уже сделал вывод – рассчитывают, что мы сами найдем себе прокорм. Так что не стесняйся! Покойникам эти деньги, рыжые и брюлики уже ни к чему! Конечно, нужно делиться, не все самому хапать, и тогда все будут в шоколаде!»*

Вначале Зимин брезговал мародерить, одно дело – искать документы, информацию, и другое – обшаривать вещмешки в поисках денег. Но потом ему стало все равно. Вообще все равно. Все равно, как машине-вездеходу, которая влезла в глубокие, скользкие глиняные колеи и ползет вперед, загребая всеми четырьмя колесами, сотрясается, натужно ревет

движком, виляет, но никак не может уйти в сторону, не в силах покинуть набитую дорогу.

Самойлин уволился после одной из акций, когда они разгромили командный пункт бородачей, уничтожив более пятидесяти его защитников. Поговаривали, что Василий тогда нашел кассу полевого командира, одного из руководителей запрещенной террористической организации, и хорошенько помочил клювик перед тем, как подать рапорт на увольнение. Себе помочил и командованию. Куда он делся после того, как вышел на гражданку, – Зимин не знал. Николай Зимин был следующим патроном в магазине, который мягко, без усилий занял место предыдущего патрона в патроннике группы. Был капитаном, стал майором. Потолок для командира группы. Майорская должность.

И вот теперь Василий Самойлин, бывший командир, бывший приятель, можно сказать – друг, сидел в кресле за огромным столом-аэродромом и внимательно смотрел в угол, туда, где залег Николай Зимин, бывший его подчиненный.

– Да выходи ты, выходи! Чего уж... поговорим давай!

– Говори. Я тебя слышу. – Зимин не собирался покидать укрытия. Он на самом деле и здесь прекрасно все слышал, а подставляться под выстрел из отдушины или под выстрел того же Самойлина совсем даже не желал. Чтобы выманить противника из укрытия, хороши любые средства. На войне нет методов подлых, нечестных, вероломных. Все хорошо, что приводит к победе. Как сказал в одном из голливудских фильмов-боевиков ниндзя, пленивший доверившегося ему самурая: *«Глупый самурай! Для ниндзя главное не честь. Для ниндзя главное – победа!»* А кем были эти люди, как не современными ниндзя, шпионами, диверсантами, для которых эмоции и нравственность – дело второстепенное и совсем в общем-то неважное. И даже вредное. Главное – выполнить приказ командира – во имя Великой Цели, во имя Родины. А для того все средства хороши.

– Ты зачем сюда пришел, Коля? Только не говори, что хотел повидаться со мной. Конечно, я рад был бы тебя увидеть, но вообще-то... совсем не так. Позволь, я сделаю предположение. Итак, ты пришел к директору коллекторского агентства разбираться с каким-то долгом. Вряд ли своим. Значит, попала твоя сестра. Или подруга, если она у тебя есть. Или жена – то же самое. Зная, как ты... как мы все справляемся с проблемами, могу предположить, что в коллекторском агентстве возникли большие проблемы. Многих убил?

– Всех.

– О как! Силен... М-да... – Самойлин был явно ошарашен ответом. – Если это так, то... многое меняет. Но не совсем. Итак, ты пришел, стал требовать справедливости, тебя послали нахрен, и ты, разозлившись, их покарал. Только не понимаю – зачем так радикально? Что, не мог связаться со мной? Мы бы все уладили! Неужели я для старого боевого друга не смог бы найти компромиссное решение?! Коль, да ты чего?! Вспомни, как вместе ползали по джунглям, как сутки отсиживались в яме с трупами, как змею жрали сырьем, когда кончились продукты! Что, неужели я бы с тобой не договорился? Зачем было крошить этих дебилов?

– А зачем ты послал четверых бойцов? – прервал Зимин, ничуть не убежденный потоком слов, исторгнутым бывшим товарищем. – Это что, для того, чтобы лучше меня обнять? Погорячее?

– Да они отвели бы тебя ко мне! Мы бы с тобой побеседовали и пришли к общему знаменателю! А теперь чего?! Вот нахрена ты их-то завалил?! Ну ладно там коллекторов, они ушлепки еще те, я бы сам их вырезал, как сорняк с огорода, но мои-то парни что сделали? Их-то зачем?

– Ты врешь, Самойлин. Ты прекрасно знаешь, почему я здесь. Это ведь ты убил мою сестру. А у меня, кроме нее, никого нет.

– А Ниночка? Теперь ей придется за тебя ответить! Ты что, думал, вот так запросто можно прий-ти и перемочить моих людей?! (Голос Самойлина стал жестким, скрежещущим, как железо по стеклу.) Ты что, охренел?! Она ответит за тебя своей головой! Вот говорил же я, что тебя надо валить сразу, на входе, не рассусоливая, – а он: «Живьем! Живьем брать!» Изврат чертов! Любит людей помучить, негодай! Вот тебе и живьем – четверо моих лучших парней теперь покойники!

– Вася, как ты до этого дошел? Или оно всегда в тебе сидело? Вася, как?!

– Дурак ты, Зимин! Ты так ничего и не понял. Ты инструмент, как нож или пистолет. Инструмент, которым сильные мира сего решают свои проблемы. И я инструмент. Только я умный инструмент. А ты дурак. Я высокооплачиваемый, богатый, по меркам простонародья, а ты нищесброд, сжигающий свою жизнь за жалкие копейки! Ну да, сейчас ты начнешь ныть про Родину, про долг, про то, чему нас учили, – мол, «есть такая профессия, Родину защищать!». Так вот, это полная чушь! Всем на все плевать! Кроме денег! И на тебя плевать, и на меня! А деньги – это власть! Деньги – это все!

– Не все, – тяжело сказал Зимин, прислушиваясь к шагам в коридоре. Кто-то тихо, очень тихо подошел к двери, и обостренный слух Зимина, как ему показалось, разобрал тяжелое дыхание, будто тот, кто дышал, бегом поднимался сюда, на третий этаж. – Это для тебя все. А для меня – нет.

– Ну ты же всегда был малахольным! – хохотнул Самойлин. – Помню, как ты краснел, бледнел, когда я сунул тебе твою долю, жалкую пачку баксов! Я думал, ты бросишь ее мне в морду! А потом – ничего, привык. Правда же, привык? Главное – начать. И я таким был. Но потом поумнел. Все когда-то умнеют, либо... умирают. Вот что, давай все забудем. Предлагаю – ты сдаешься, и мы закрываем глаза на то, что ты покрошил почти сорок человек. Придумаем версию, например – что они сами себя постреляли. Выберем кого-нибудь маньяком, того же Прохоренко например. А ты останешься в стороне. Записи с камер уничтожим. А тебе я предлагаю перейти работать под мое начало. Нам такие люди нужны – твой уровень подготовки не хуже моего, так что мы найдем тебе применение! И получать будешь не в пример тому, что получал, – даже с бонусами от покойников!

Бонусами Самойлин называл деньги и драгоценности, которые попадались в карманах и вещмешках убитых. Трофеи.

– Конечно, магазины и салоны красоты никто не вернет – мы же должны как-то компенсировать себе потерю целого коллекторского агентства! Кстати, предлагаю тебе его и возглавить! А что, отличная идея! Человек, который может ТАК запугать директора коллекторского агентства, достоин занять его место! Ха-ха-ха! Ну что молчишь? И Ниночку твою тогда не тронем! А если ты не сдашься, первое, что мы сделаем, – поедem за ней. И заверяю тебя – мало ей не покажется. Шеф очень любит молоденьких девушек. Особенно мертвых. Вот что у него за страсть к мертвым девицам?! Маньяк, не находишь? Но платит хорошо. Очень хорошо! И слово держит. Ну, так что, сдаешься?

Зимин не ответил. Он повернул ствол автомата к двери и выпустил длинную очередь, сверху вниз, рассекая дерево, как масло, остроносими пулями калибра 7.62, пробивающими любой бронежилет, который могли носить на себе телохранители либо охранники. Это тебе не 5.45, меняющие направление от соприкосновения с веточкой, это честный бронебойный 7.62, крошащий дерево, будто хрупкое оконное стекло.

За дверями закричали, застонали, послышался звук падения нескольких тел, и тогда Зимин перевел прицел ниже, примерно определив, где лежат раненые бойцы. Магазин опустел, затвор щелкнул, застыв в заднем положении, и тогда Зимин мгновенно выщелкнул магазин и, перевернув, вставил другой, примотанный к этому. Все как всегда. Все как в бою.

Щелк! Патрон в патроннике, автомат готов к бою.

И тут же, с перекатом – очередь туда, где сидит Самойлин, по нишам, крытым портьерами, по отверстиям отдушин над столом!

Из ниш вывалились двое парней с автоматами наперевес, за отдушиной кто-то застонал, загремело железо, ударившись о кафель.

Щелкнул затвор, автомат полетел в сторону, в руке будто сам собой оказался пистолет – вперед, навстречу выстрелам! Туда, где Самойлин, сосредоточенный, серьезный, выцеливает из «хай-пауэра», любимого оружия, надежного, сильного, безотказного!

Резкие движения, рваный ритм бега – пули рвут одежду, тело, но вскользь, нанося болезненные, но не опасные раны. Не опасные – если сразу перевязать!

Без ран никак не могло быть – Самойлин всегда был хорош. Снайпер. Он просто не мог промазать!

«Макаров» прыгает в руке, будто живой, будто зверек пытается выпрыгнуть, убежать на волю. Никакого прицеливания, никаких спортивных вытягиваний руки, мушки и прицела – мозг сам по себе рассчитывает расстояние, определяет направление выстрела. Указал стволом в нужное место – и пуля пошла туда, как по ниточке. Главное, чтобы это место не металось из стороны в сторону, не выполняло качание маятника вразножку. А оно выполняло. А оно умело уходить от выстрела. И угадать, где окажется в следующий миг, было довольно проблематично.

Самойлин был очень хорош. Очень. Не хуже Зимина – когда-то. Тогда, когда они бок о бок ползали по джунглям, скрывались в развалинах пустынного города. Теперь – бывший командир группы отяжелел, расслабился, да и возраст берет свое. Сколько ему? Далеко за сорок? В этом возрасте многие боксеры уже прекращают свои выступления. Реакция не та.

Впрочем, Самойлин и в нынешнем состоянии убил бы трех боксеров-тяжеловесов подряд голыми руками и даже особенно бы не запыхался. Спортивный бокс – одно дело, реальный бой с применением запрещенных к показу широкой публике спецприемов – совсем другое.

Но Зимин был лучше. Он находился на пике боевой формы, он не потерял готовности убивать и умирать, как самурай, только что вышедший из боя, или ниндзя, крадущийся по стене вражеского замка. Он был чуть быстрее, чуть сильнее, чуть увереннее, и эти чуть в бою стоили многого. Очень многого. Самой жизни.

Попадание девятимиллиметровой пули в упор, с расстояния двух метров в тело, не защищенное ничем, кроме рубашки, это гораздо хуже, чем та же пуля, но в легкий бронежилет. Мышцы и сухожилия рвутся, кость, о которую плющится тупоносый металлический цилиндр, разбивается на острые осколки, в свою очередь травмирующие окружающую их плоть.

Чем крупнее калибр, тем больше останавливающее действие пули. Маленький калибр – пуля пробивает тело, вылетает наружу, и существо, которое она прошила, в горячке даже не чувствует того, что на самом деле уже умерло.

Крупнокалиберная пуля сажает на задние лапы слона, будучи выпущена из мощного нарезного штуцера, и отбрасывает к стене человека, если она послана из

девятимиллиметрового «макарова».

Шок, непонимание (как же так?!), попытка поднять выпавший пистолет левой рукой, и... всплеск, разлетевшиеся мозги, красное пятно на шкафу красного дерева за спиной.

Все кончено.

Нет, не все. Зимин отер лицо левой рукой – оно было забрызгано кусочками мозга, кровью, на щеке прилип кусочек черепной коробки того, кто раньше был Самойлиным.

Глаза заливало, майор вытер брови, пощупал голову – длинная, довольно-таки глубокая рана, располозовавшая голову ближе к макушке. Но череп цел. Еще бы чуть-чуть...

Раны на голове сильно кровавят, даже если это всего лишь неопасная царапина – как сейчас. Желательно, конечно, ее заклеить, иначе так и будет заливать глаза, мешает прицеливанию.

Наклонился, достал из внутреннего кармана бывшего товарища чистый платок, прижал к голове, останавливая кровь. Белый квадратик налился красным, но Зимин знал – скоро подсохнет, и если не шевелить скальпом, кровотечение не возобновится. По крайней мере, с такой интенсивностью.

Теперь нужно было решить главную задачу – найти эту крысу, Головченко. Он должен быть где-то здесь, но где? Где-то потайная дверь и кнопка, ее открывающая. Самойлина, по понятным причинам, не спросишь, значит – нужно спросить кого-нибудь еще. Взять языка. Где?

Зимин поднял «хай-пауэр», прикинул на руке, на секунду задумался, затем отбросил полу пиджака Самойлина и удовлетворенно прищурился, увидев на кобуре скрытого ношения два запасных магазина. Самойлин всегда был запаслив и говаривал, что лишний магазин – никогда не лишний и лучше взять побольше патронов, чем банок тушенки. Еду всегда можно добыть, а вот патроны... Имеющий патроны – жив и сыт.

Перезарядил, бросил свой опустошенный пистолет, пошел к выходу, туда, где ему слышались стоны и шуршание. Осторожно выглянул из-за косяка, готовый тут же нырнуть обратно, но опасения оказались напрасны. Возле порога лежали трое мертвых телохранителей, одетых в черные костюмы (Что за любовь к такой униформе? «Людей в черном» насмотрелись?! Пижоны...), как и остальные, и от них тянулся кровавый след в коридор, будто кто-то осторожно полз, подтягивая тело на руках.

Так и оказалось. Парень лет тридцати лежал в коридоре и пытался дотянуться до дверной ручки, каждый раз падая вниз и тихо, с шипением матерясь. Увидев Зимина, он скривил губы, опустился на пол на бок и смотрел, как майор подходит, с выражением лица обреченного на смерть узника.

– Это не я! Это не я их убил! – тихо сказал он и закашлялся, отчего из его рта вырвались красные брызги и на губах вздулись розовые пузырьки слюны. Зимин тут же с ходу определил – похоже, что задето легкое и сейчас его наполняет кровь. – Это все Самойлин! Ему Головченко приказал! Я только следил за ее передвижениями, а в квартиру поднимались Самойлин и Брагин! Брагина ты убил!

– Ты знаешь, где прячется Головченко? – мягко спросил Зимин, которому хотелось тут же всадить в макушку парня всю обойму чешского пистолета.

– Там у него... комната отдыха, она же... она же убежище! На всякий... всякий случай! – задыхаясь, сказал парень, бледнея и заливаясь кровью изо рта. – Там потайная кнопка, в шкафу! За книгами! Он книг-то, сука, не читает, это только ширма! Кнопка там! Вызови мне «Скорую»! «Скорую»!

– Не нужна тебе «Скорая». – Зимин равнодушно пожал плечами, поворачиваясь и отходя на несколько шагов. – Не надо было за ней следить!

Он на миг обернулся и выстрелом снес верхушку черепа раненого. Не глядя на результаты выстрела, отвернулся и пошел в кабинет Головченко.

Кнопка нашлась довольно быстро – пришлось скинуть на пол нетронутые, никогда не открываемые хозяином кабинета книги на английском, немецком, испанском языках. Тисненные золотые переплеты, дорогая мелованная бумага – они рухнули в лужу крови, пропитываясь ей, как кусок хлеба вишневым вареньем.

«Когда говорят пушки – не до книг!» – подумалось Зимину, и он нажал кнопку-квадратик, почти неразличимый на фоне дубовой панели. Раздался негромкий щелчок, и вся стена медленно и плавно отъехала в сторону, обнажив довольно широкий коридор, в котором могли пройти в ряд четыре плечистых человека. Коридор был длиной около пяти метров и упирался в дверь наподобие той, что вела в кабинет Головченко.

Зимин внезапно пожалел, что не взял автомат у телохранителей из приемной, но, повинувшись импульсу, возвращаться не стал. Стоило довериться интуиции.

Он посмотрел по сторонам, заметил на стене такой же квадратик, как и тот, что был вделан в шкаф. Нажал его, тут же загорелся свет, озаривший коридор, и стена позади начала закрываться. Когда она уже почти закрылась, ударили автоматные очереди, и пули прошли рядом с Зиминим, прижавшимся к стене. Потом кто-то повелительно крикнул, огонь прекратился, а дверь закрылась, отрезав майора от всего мира.

Подняв пистолет, выстрелил в кнопку – сверкнули искры, запахло паленой изоляцией, погас свет. И тут же раздался щелчок – дверь, которая была заперта изнутри на электромагнитный замок, открылась. Система, которая предполагала возможность обесточивания здания, предусматривала автоматическое открытие электрических замков – в противном случае те, кто находился внутри комнаты, были обречены на некоторое время стать ее узниками, а этого допустить было нельзя.

Зимин что-то подобное и предполагал, потому ничуть не удивился происшедшему и, не теряя времени, толкнул дверь ногой и влетел внутрь, группируясь в воздухе, упал на пол, перекатился, ловя на прицел все, что шевелится.

Шевелились в комнате двое – мужчина лет пятидесяти, может, чуть больше, и красивая длинноногая брюнетка с короткой прической, модельной внешности. Брюнетка сидела на кровати, зажав уши руками, а мужчина, стоя рядом, палил в дверной проем, из которого появился Зимин, из такого же короткоствольного автомата, который был у телохранителей. Палил довольно уверенно, чувствовался опыт лихих девяностых, но недостаточно верно с тактической точки зрения – Зимин проскользнул по полу ниже хлещущей свинцом смертоносной струи и, откатившись в сторону, двумя, почти слившимися воедино выстрелами нейтрализовал противника, перебив ему обе руки – у локтя и у плеча.

Головченко выронил автомат, едва не ударив им по обтянутой черным чулком ноге секретарши, та завизжала, вскочила и начала трясти руками перед грудью, будто сбрасывала противного паука. Визг был очень громким, но после пальбы из автомата без глушителя в закрытом помещении в уши Зимина будто наложили ваты, и визг девицы показался больше похожим на писк здоровенной крысы, чем на человеческий голос. Потом она затихла, застыла, прижав к груди руки, сжав пальцы в кулаки и сторбившись, будто ожидая, что страшный незнакомец сейчас, сию секунду разорвет ее на части, как разъяренный медведь.

Хозяин комнаты сидел на кровати, лицо его было искажено гримасой боли, но был он на

удивление спокоен. Посмотрев на Зимина в упор, Головченко попытался улыбнуться правой стороной рта и с нарочитым смехом в голосе сказал:

[Купить полную версию книги](#)